

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ АВТОРОВ
АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

сборник творческих работ

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел краеведения и редких книг

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ АВТОРОВ
АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

сборник творческих работ

Благовещенск
2025

ББК 84(2Рос-4Аму)6
Л642

Литературный конкурс самодеятельных авторов Амурской области : сборник творческих работ / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского. – Благовещенск, 2025. – 86 с.

Составитель: Е. А. Андреева
Ответственный за выпуск: О. С. Праскова
Компьютерная вёрстка и художественное
оформление: М. И. Гнускова

В данном сборнике представлены творческие работы, набравшие наибольшее количество баллов в рамках литературного конкурса самодеятельных авторов Амурской области. Поэтические и прозаические произведения демонстрируют разнообразие тем, интересующих самодеятельных авторов, а также особенности литературного стиля каждого из них.

Работы опубликованы в авторской редакции.

© Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Содержание

От составителя	4
-----------------------	---

ПОЭЗИЯ

Адаменко С. В. Лесной странник	5
Добуляк Г. В. Я живу, как прежде, по старинке...	10
Еремеев Н. В. Прости, отец	12
Коробко А. А. Солдат	14
Маслов Д. Ю. Крошка	15
Что такое Родина?	16
Медведева Л. А. Поклонимся	17
Неоменко Ю. П. Амурский край	18
Белая берёза	19
Славных Л. В. Письмо из дома	21

ПРОЗА

Адаменко С. В. Легенда о черном драконе	22
Рукописи не горят	25
Вершкова Д. В. Поезд-призрак	28
Григорьева М. Ф. Сказки из леса	30
Решетникова Т. В. О Родине и о себе...	37
Соловьева А. В. Костя из 140-й квартиры	45
Титаренко А. Ф. Последний выстрел	48
Можно ли починить глобус?	51
Фокша Д. А. Яма	58
Шарапов В. А. Бригантина поднимает паруса	60
Шляндин В. И. У костра	76

От составителя

Литературный конкурс самодеятельных авторов Амурской области проводился с 1 октября по 30 ноября 2025 года по инициативе министерства культуры и национальной политики Амурской области. Организатором конкурса выступила Амурская областная научная библиотека им. Н. Н. Муравьева-Амурского. Главная задача конкурса – это выявление литературно одаренных самодеятельных авторов Приамурья, открытие для читателей новых имен.

Оценивать работы конкурсантов доверили литературно-экспертному совету при министерстве культуры и национальной политики Амурской области. Состав совета утверждён приказом министерства культуры и национальной политики Амурской области от 01.10.2025 № 223-ОД. В совет входят сотрудники министерства, руководители учреждений культуры области, профессиональные литераторы.

Оценка работ проводилась по следующим критериям:

*- оригинальность и образность авторского стиля;
- глубина раскрытия содержания и выраженность авторской позиции;*

*- социальная значимость;
- грамотность, логичность изложения, стиль оформления работы.*

Заявки для участия в конкурсе прислали 87 самодеятельных литераторов. Они представили на суд экспертов 217 творческих работ. Участие в конкурсе приняли жители всех муниципальных образований Амурской области.

В данный сборник вошли работы, набравшие наибольшее количество баллов по результатам экспертной оценки. Все работы опубликованы в авторской редакции.

ПОЭЗИЯ

ЛЕСНОЙ СТРАННИК (фолк-баллада)

*Адаменко Светлана Валерьевна
(с. Аркадьевка, Архаринский муниципальный округ)*

Льдом сковалась река – матушка Агидель.
Поля белым ковром укрывалися.

Убран празднично лес. Но туда ни ногой –
В лесу нечисть лята хороводится.

Коль пойдёшь – берегись и с тропы не сходи,
Не ищи ты себе пути лёгкого.
Не то морок нашлёт, заведёт тебя в топь,
В бурелом али в глушь непролазную.

Странник шёл третий день, шёл он невесть куда,
И откуда он шёл – то неведомо.
Путь его пролегал через лес тот лихой,
Что известен своим дурнославием.

Но не верил герой в суеверия те,
Что людскою молвой расклеветаны.
И отважно ступил он под сень тех древес,
Что укрыли сугробы тяжёлые.

Гнутся ветви к земле, хлещут прямо в лицо,
И за шиворот снег насыпается.
Шаг ступить тяжело: по колено сугроб,
Из последних он сил выбивается.

Но идёт он сквозь лес. А вокруг – кудеса:
Бор искрится сияньем торжественным.
Разноцветьем горит – взгляда трудно отвесь.
Он идёт не спеша, очарованный.

Видит он – али то лисий след на тропе,
Али с устали то померещилось.
Он по следу помчал, нагоняя лису.
Пробудился азарт в нём охотничий.

Странник всё позабыл, куда путь он держал,
И откуда тем лесом он следовал.
Лишь одно на уме – рыжий хвост бы настичь,
Разглядеть бы созданье лукавое.

Он бежит, одержим, видя след на снегу,
Представляя добычу желанную.
Вот настигнет её: промелькнула вдали,
Поманила хвостом к себе огненным.

Пуще он припустил, чтоб лисицу нагнать –
Он имел лишь одно намерение.
«Да на что тебе лис? Чтобы так расточать
Своей силы запасы последние...»

Но не слушал герой сих возваний к себе,
Не внимал своим разума доводам.
И бежал всё быстрее, не чувствуя ног,
Лисьим следом в чащобу еловую.

Вот поляна в лесу, исполины стоят
И макушками небо царапают.
Странник вдруг сбавил ход: след лисы потерял.
Встал средь елей и к звукам прислушался.

А вокруг – тишина, та, что звоном звенит,
С неба падают хлопья бесшумные.
Колокольчиком смех вдруг раздался вдали –
Слышит странник его, удивляется:

Мол, куды забрела – ведь опасно в лесу –
Неразумная девка бесстрашная.
Он позвал – а в ответ снова смех зазвучал,
Как насмешка его сердоболию.

Глянул он меж дерев – никого не узрел,
Ветер ветви приводит в движение.
Тишия повисла вокруг, и неслышим стал смех.
Воцарилось безмолвие снежное.

Вдруг средь елей вдали замелькал огонёк,
Заметался клубком рыжим по лесу.
Странник мигом – туда, только где же поспеть?
Скрылось в чаще создание хитрое.

Вдруг стемнело в лесу, небо над головой
Затянулося чёрными тучами.
Но обманом луна порвала облака
Белым лицом своим с неба глянула.

Развиднелось кругом, огляделся герой,
Принялся он дорогу отыскивать.
Глядь, пред ним, не таясь, та лисица стоит,
Распушивши меха ярко-рыжие.

Замер он, в землю врос, словно бы истукан,
Шелохнувшись – и то опасается,
Зверя чтоб не вспугнуть, а не то во всю прыть
Вновь умчится лесная красавица.

А лисица вдруг – прыг – да взметнула хвостом,
Да пять раз вокруг себя кувыркнулася,
И стоит перед ним уж не зверь меховой —
Чаровница то рыжеволосая.

И влечёт за собой, нежно руку берёт,
Кличет странника именем ласковым.
Всё забыл он в тот миг, шёл, влекомый лисой,
И во след ей ступал, зачарованный.

А под сенью кустов – глядь – избушка стоит.
И вздохнул он с немым облегчением.
Будет на ночь им кров, и тепло, и уют –
От мороза, от ветра спасение.

И бросала краса хитрый взор на него,
В полушубок овчинный всё куталась.
Вот крыльцо, вот порог, отворяется дверь,
В сени входят вдвоём они с девицей.

А в избушке – тепло, но, кажись, никого.
Хоть дровами печь жарко натоплена.
Странник снял охабень, свой кушак развязав,
И, кошель отстегнув, на полати лёг.

Вот истома его проняла до костей,
Разморило теплом, веки смежились.
Сладку песню свою напевает краса,
Так, что тело сковалося негою.

Снится город ему – он велик, златоглав,
Туда странник как раз направляется,
Чтоб снести свой кошель, там его обменять,
Сговориться с купцом, да повыгодней.

Долго ль, коротко ль спал, слышал песню во сне,
Да наутро проснуться приходится.
Чует – холод вокруг, видит – спит на снегу,
Лишь прикрыт кушаком да охабенем.

Глядь – кошель-то пропал! Ищет странник его –
Бесполезное, видно, занятие!
Знать, лесная краса песни пела ему,
Сладки речи вела не случайно с ним.

«Недалёко ушла она, – я догоню:
Знать бы только, куды направляется».
Смотрит странник: кругом только лисьи следы,
Да петляет тропа меж деревьями.

Обернулся назад – вот избушка вдали,
Та, что стала ночлегом им давешним.
И направился к ней он – воровку искать,
На красу поглядеть на прощание.

Ближе стал подходить – диво: нету избы.
Ни бревна, ни сучка – как и не было.
Лишь один бурелом – где ж избушка средь них?
Сухих веток лишь нагромождение.

Понял странник тогда – навела на него
Ведьма рыжая морок-видение.
Допыталась во сне, забрала кошелёк,
Да была такова – будто не было.

С той поры в этот лес не ступают ногой,
Агидель-река тайны те ведает.
Сгинул странник в лесу, не нашёл верный путь.
Заметён он снегами-метелями.

Я ЖИВУ, КАК ПРЕЖДЕ, ПО СТАРИНКЕ...

Добуляк Галина Викторовна
(г. Зея)

Я живу, как прежде, по старинке,
Не имея современных благ.
И, как в старой книжке на картинке,
Очень прост семейный мой очаг.

Снова, словно в детстве, возле печки
Чувствую я доброе тепло.
Ледяной воды, как будто с речки,
Вижу запотевшее ведро.

А в печи горят дрова-поленья,
Вспыхивая искрами порой.
И пишу я вновь стихотворенья,
Наслаждаясь этой простотой.

Созерцаю всё, что сердцу мило,
Вспоминаю, что давно прошло.
Всё проходит, всё когда-то было,
Но в душе и чисто, и светло.

Не платаю в сетях Интернета,
И на сайтах не найти меня.
Мне милей обычный лучик света,
Ясный день и верные друзья.

И всё то, что происходит рядом,
Где реальность здесь, не за стеной,
Где её коснуться можно взглядом,
Насладиться звонкой тишиной.

Здесь, где мысли лягут на тетрадный,
А не на компьютерный, листок.
И обычный почерк аккуратный
Их напишет чуть наискосок.

И напишет собственной рукою,
Вложит в текст всю теплоту души,

Ощущенье мира и покоя,
И прохладу сумрачной тиши...

Может быть, живу я приземлённо,
Но не ставьте это мне в вину,
Буду я и впредь заворожённо
Слушать шелест трав и тишину.

Я живу, как прежде, по старинке,
Не имея современных благ.
Но, как в старой книжке на картинке,
Самый лучший – мой родной очаг!

ПРОСТИ, ОТЕЦ

Еремеев Николай Васильевич
(г. Зея)

Посвящается сыну Еремееву Альберту («Скорпион»),
погибшему в зоне СВО 16.06.2024 (ДНР)

Прости, отец, что слово не сдержал,
Как обещал, живым я не вернулся.
Но будь уверен, честь я не предал,
В боях к врагу спиной не повернулся.

Ты много раз со мною говорил,
Что в жизни честь единожды дается.
Чтоб я её лишь в чистоте носил,
Что никому она не продаётся.

Была вся суть в отцовских тех словах,
Они в душе моей взрывались миной.
В чём ценность есть, осядет в головах,
В ком крепок дух, становится мужчиной.

С мальцовых лет я Родину любил,
За Русь и веру я сражался браво.
Как, батя, ты меня всегда учил,
Россия – дом, где предков наших слава.

Я знал, Россия в святыни чиста,
Что Матерь Божья всех оберегает.
Куда идти, укажет свет Христа
Он нам с пути не сбиться помогает.

Да, обещал, приду живым домой,
Но, батя, зря тебе, похоже, клялся.
Я мало был тогда знаком с войной,
Пока внутри неё не оказался.

Здесь по приказу жизни отдают,
Смерть – дань, а жизнь – разменная монета.
Но с памятью о том все в бой идут,
Порой не доживая до рассвета.

Взрыв от снаряда путь земной прервал,
Но верю, пап, мы встретимся с тобою,
В обителях небесных нас собрал
Господь, он со святыми упокоит.

А ты пока живи, молись, люби,
Вы с мамой путь земной не завершили,
Делами милосердия иди,
Дай, Господи, чтоб счастливо вы жили.

Прости, отец, что слово не сдержан,
Как обещал, живым я не вернулся.
Но будь уверен, честь я не предал,
В боях к врагу спиной не повернулся.

Прости, отец, и сильно не серчай,
Что я к вам с мамой всё ж не возвратился.
Теперь я с Богом и хочу, ты знай,
Чтоб, как и прежде, мною ты гордился.

СОЛДАТ

*Коробко Александр Александрович
(с. Константиновка, Константиновский муниципальный округ)*

Ну что, солдат, ведь ты устал,
К победе волю потерял.
Тебе не мил весь белый свет,
Ты видел столько страшных бед.
Насилие и кровь людскую,
Верни ты силу удалую.
С колен ты встань, возьми ружьё,
Поверь-ка вновь в своё чутьё.
Иди, не ведая ты страха,
За дом, за Родину, за брата
Сломи ты голову врагу,
Ведь ты один за всех в долгую,
И Родина – она одна!
Иди вперёд, не чувствуй краха
Сквозь орды ворогов проклятых,
Победу куй и бей врага.
И стяг свободы озаряя,
Героев Вечность сохраняет,
Отчизна вспомнит всё сполна,
Храни вас Бог и Мать-Земля!

КРОШКА

Маслов Денис Юрьевич
(г. Благовещенск)

У окна тайком сидела крошка –
Девочка лет около шести.
Небо – в звёздах. Целое лукошко
Нужно, чтобы все их унести.

Мама спит, а дочка смотрит в дали.
Ждёт звезды, что с неба рухнет вниз.
На звезду ведь многие гадали,
Только нынче это – не каприз.

Росчерк в небе. Звёздочка – в ладошке.
Осторожно сжатый кулечок.
Три желанья загадала крошка,
Но про это взрослому – молчок.

Ведь желанья те на самом деле
Не про платья, не про куклы, нет!
(Словно за последние недели
Крошка подросла на много лет):

Чтобы папу все дождались дети,
Чтобы помирились две страны.
Чтобы больше ни за что на свете
В этом мире не было войны!

ЧТО ТАКОЕ РОДИНА

Маслов Денис Юрьевич
(г. Благовещенск)

Всюду – мрак, но будут и рассветы.
Тьма приходит, но уйдёт в свой срок.
На вопрос найти бы нам ответы:
«Что такое Родина, сынок?».

Родина – леса, поля и реки,
Яркий полдень и зелёный луг.
Это, братец, люди-человеки,
Брат, сестра, родители и друг.

Родина – сады, моря и горы,
Алый вечер, пламенный рассвет,
На окне морозные узоры,
И в душе неугасимый свет.

Воин, охраняющий границу,
Мирной, но непонятой страны.
Сон, который, может, утром снится
Девочке, уставшей от войны.

Солнца луч в концертном тёмном зале,
Из цветных упавший витражей.
Бабушка с картошкой на вокзале,
Длинный ряд бетонных гаражей.

То, что слаше мёда, жгучей перца.
Это край, где вместе ты и я.
Родина – всё то, чем бьётся сердце,
И она у каждого своя!

ПОКЛОНИМСЯ

*Медведева Лариса Александровна
(псевдоним Лариса Полева)
(с. Екатериновка, Октябрьский район)*

Бессмертен подвиг павшего солдата
В смертельном и безжалостном бою.
И в памяти хранить мы будем свято
Героев, не щадивших жизнь свою.

Со связками гранат идя на танки,
Победу приближали день за днём,
И в яростной неистовой атаке
Пришлось им воевать под артогнём.

Немало жизней цепкими руками
В могилу унести смогла война.
Приблизила победу над врагами
В Берлине сорок пятого весна.

Почтим всех тех, кто, не жалея жизни,
Бесстрашны были в яростных боях.
И с честью долг отдав своей Отчизне,
Себя увековечили в веках.

Поклонимся всем павшим за победу
Весенним днём у Вечного огня,
А также нашим прадедам и дедам,
Кого бойцами сделала война.

Мы в День Победы слёз своих не скроем –
Они от счастья, а не от обид.
Поклонимся до пояса героям,
Чтоб нам достойным памяти их быть.

АМУРСКИЙ КРАЙ

*Неоменко Юрий Прокопьевич
(с. Екатеринославка, Октябрьский район)*

Земля моя Амурская,
Любимый край Родной!
Горжусь тем, что мы – русские,
Родимой стороной!
Широкими просторами лесов, полей и рек.
Мне всё здесь очень дорого,
Что создал человек.
Всем тем, что очень радует
Мне душу, разум, глаз,
Является наградою для каждого из нас.
За землю нашу русскую,
Пусть знает враг любой,
Привольную Амурсскую
Пойдём мы смело в бой.
Невидимыми узами
Мы связаны с тобой.
Друзьями неразлучными
Живём одной семьёй!
Загадочной, таинственной
Мы связаны судьбой,
Так будь всегда единственным,
Амурской край родной!

БЕЛАЯ БЕРЁЗА

Неоменко Юрий Прокопьевич
(с. Екатеринославка, Октябрьский район)

Я по дороге, когда мимо проезжаю,
То сразу в сторону бросаю быстрый взгляд:
Меня берёзки там знакомые встречают
И меж собой о чём-то тихо говорят.

Потом, наверно, долгим взглядом провожая,
Берёзы стройные, как девушки, стоят,
И как невесты, на свиданье приглашая,
Они ветвями нам приветливо шумят.

В зелёных ярких, очень строгих сарафанах,
Одетых так все по велению Весны,
Чтоб не видать на них нам никаких изъянов,
В мороз полученных от матушки Зимы.

Всегда приветливо все машут нам ветвями:
Постой, шофёр, и никуда не торопись,
А хоть минутку, но побудь ты вместе с нами
И здесь для этого сейчас остановись.

Да подойди скорее ты сюда поближе
И как мужчина очень крепко обними!
А мы опустим свои ветки тотчас ниже,
Ты сразу с каждой грусть-печаль скорей сними.

И ствол когда берёзки каждой ты погладишь,
К ней прикоснувшись вдруг шершавою рукой,
С собою сразу же ты внутренне поладишь.
И обретёшь в душе уверенно покой.

Ты, ароматом свежих листьев наслаждаясь,
Когда подружишься с берёзовой листвой,
Блаженством тихо в это время уповаясь,
Когда укроешься в ней вместе с головой.

А если ты в дороге долгой вдруг устанешь,
То повалиться можешь здесь, в нашей тени,

И отдохнув, ты посвежевший сразу станешь.
Так что, друг, с отдыхом, пожалуй, не тяни.

И можем мы тебя сейчас, ну хоть немного,
Соком берёзовым здоровым напоить.
Если захочешь, можешь взять с собой в дорогу,
Чтобы в пути своём им жажду утолить.

И человек, коль подойдёт, то не обидит
И слово к каждой, словно к девушке, найдёт.
В берёзке белой он всегда подругу видит.
Побудет рядом с нею, а потом уйдёт.

Ну а пока берёзы в строгом одеянье
Вдаль, как невестушки на выданье, глядят,
Не обратив на проезжающих вниманья,
Довольны, что в их кронах птицы вновь галдят.

И остаются все сиротливо в надежде,
Что стройный клён иль крепкий дуб к ним подойдут
И, обнявшись ветвями с ними, как и прежде,
Они вновь счастье, как девчонки, обретут!

ПИСЬМО ИЗ ДОМА

Славных Лилия Валерьевна
(г. Благовещенск)

Получила я письмо из дома.
Лист тетрадный, нежное «Привет!»
Далее, уж слишком мне знакомо:
«Может выслать денег на билет?»

С замираньем, с трепетом читаю
Почерк ровный и такой родной:
«Приезжай скорей! Опять скучаю.
Прилетай же, милая, домой!»

Как у нас дела? Да, всё в порядке.
На здоровье тоже жалоб нет.
Земляника расцвела на грядке.
Папа ждёт тебя на свой банкет.

Тяжело он пережил разлуку.
Может, прилетишь на юбилей?
Встретила вчера твою подругу.
Таня стала краше и взрослей.

Всё, пожалуй. Как твоя учёба?
Сессия когда? Готова к ней?
Ждем ответ твой, обнимаем оба.
Береги себя, да не болей!».

Мамы нет. А то письмо простое,
Полное заботы и любви,
Я храню и прошепчу святое:
«Господи, всех мам благослови!».

ПРОЗА

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОМ ДРАКОНЕ

Адаменко Светлана Валерьевна
(с. Аркадьевка, Архаринский муниципальный округ)

Весенняя поляна огласилась звонкими детскими голосами. Мальчик и девочка, увлечённые весёлой игрой, бежали друг за другом. Бойкая Халльдис догнала маленького Хротгара и схватила его за плечо. Непослушные чёрные пряди выбивались из кос девочки. Запыхавшись в азарте погони, дети рухнули на траву, раскинув руки. Щурясь от слепящего солнца, разглядывали забавные облака, превращая в своём воображении их очертания в различных невиданных существ.

— Смотри! Там, в небе — дракон! Настоящий! — вдруг закричала маленькая Халльдис, тыча пальчиком в голубую высь.

Хротгар взглянул, куда указывала девочка и правда увидел дракона. На мгновение тот, словно грозовая туча, заслонил собой солнце, покрыв тенью всю поляну.

Халльдис восхищённо смотрела, как громадное создание гордо парит высоко-высоко над землёй, рассекая большими чёрными крыльями воздушные потоки. Ему чужды земные заботы, он равнодушен к людской суете. Казалось, у дракона была своя, только ему ведомая, великая цель. Он, величественно пролетая над долиной, направлялся на восток, за самые границы Ингимунда, а потом скрылся за вершинами горного перевала.

— Древние легенды рассказывают, что в драконов превращаются души погибших людей, чьё сердце было расколото горем. Тех, кто бросается камнем в пропасть с Драконьей горы... — прошептала впечатлённая Халльдис своему другу. — А потом они летят на восток, в равнины, чтобы там спуститься на землю и превратиться в широкую реку, каких здесь, в горах, не бывало в помине...

— Неужели ты веришь в эти сказки, как маленькая?! — с укоризной в голосе перебил её Хротгар. Его только-только покинуло оцепенение, вызванное редким небесным зрелищем. — Да оно и понятно: девчонка! — поддразнил он подругу.

— Ах так?! — будто бы обиженно воскликнула Халльдис, вскакивая с земли, и помчалась вслед за убегавшим от неё Хротгаром. Беспечная весёлая игра продолжалась.

Они снова бежали по зелёной поляне, увлекаемые азартом погони. Тёплый ветер разевал чёрные волосы юной Халльдис. Подол светлого платья мягко поглаживал верхушки трав. Её звонкий мелодичный смех разносился по весеннему лугу. Молодой Хротгар, нагнав, схватил её за плечо и привлёк к себе.

Он смотрел в её глаза, лучившиеся радостью. Она видела в его взгляде нежность, которая обволакивала сердце. Он позвал, и его голос зазвучал песней в ушах. В ответ она произнесла его имя так ласково, как никогда. И в то мгновение, казалось, во всём королевстве не было никого счастливей их!

Халльдис, рассмеявшись, вырвалась из рук Хротгара. А потом они лежали на траве, раскинув руки, и смотрели в небесную вышину, разглядывая облака, неспешно упывающие за горные вершины.

Влюблённые вернулись домой, когда закатное солнце освещало Ингимунд последними багровыми лучами. На прощанье Хротгар тепло сжал ладонь девушки и произнёс:

— Вот уже скоро, прекрасная Халльдис, не успеет эта весна смениться летом, я приду просить твоей руки.

Халльдис, смущённо улыбаясь, доверчиво посмотрела на Хротгара и несмело спросила:

— Разве Их Величества король и королева, славные правители Ингимунда, не будут против этого? Ведь я всего лишь Халльдис, а род мой незнатен и беден.

— Родителям придётся смириться с моим выбором — выбором наследника престола королевства Ингимунд! — решительно и твёрдо заявил Хротгар.

В горах и долинах вовсю буйствовала весна. Сегодня в горном королевстве Ингимунд великое торжество. Юный наследник престола сочетается браком с прекрасной Регинлейв, дочерью правителя Предгорного государства. Их величества король и королева, славные правители Ингимунда, были счастливы: этот брак казался настолько удачным, что не возникало сомнений в правильности такого решения. Многолетние распри с соседями из Предгорного королевства прекратятся, и восточные границы станут безопасными. Придёт конец и разбойническому беспределу на дорогах через горные перевалы. Возобновится торговля на Великом Восточном пути. Этот брак предвещал славу и процветание горному королевству Ингимунд.

На городских базарных площадях из пузатых деревянных бочек всем без исключения разливали вино и эль. За здоровье Его Высочества богоподобного принца Хротгара и его избранницы божественной Регинлейв! Праздник был великий. Подданные Ингимунда ликовали.

Нестерпимая острая боль разрывала сердце несчастной Халльдис. Она стремительно шла к горному перевалу. Её чёрные волосы трепал равнодушный ветер, а подол тёмного платья изорвал колючками беспощадный шиповник. Острые камни ранили босые ноги. Но Халльдис шла, прижимая руки к своей груди, словно стремилась удержать в ней расколотое ложью сердце. Она шла, словно не было у неё другого пути. И достигнув Драконьей горы, Халльдис стала карабкаться всё выше и выше, цепляясь за скалистые выступы. Она то срывалась, то опять поднималась, превозмогая боль, пока не взобралась на очередной каменистый уступ, выдающийся над ущельем. Подойдя к самому его краю, она раскинула руки и сделала шаг в пропасть...

Свадебное веселье продолжалось до самого заката. Когда солнце уже спешило к западным гребням, чтобы скрыться там на ночь, когда его лучи напоследок осветили тёплым светом ликующий Ингимунд, из-за седловины Драконьей горы в небесную синь медленно поднялось громадное, величественное создание. Большими чёрными крыльями оно рассекало воздушные потоки и устремлялось к востоку – за пределы Ингимунда.

Поданные королевства задирали головы вверх, тыча пальцами в небо, и с восторгом кричали друг другу:

– Дракон! Смотрите, настоящий дракон! Чёрный дракон!

Король с королевой зачарованно им любовались. С восхищением наблюдала за ним и прекрасная Регинлейв, новоявленная супруга наследника престола. И все они подумали, что это – хороший знак, что это – к счастью.

Только Хротгар с тревогой смотрел на летящего чёрного дракона. Какая-то непреодолимая боль жгла его сердце, тоска щемила душу.

А дракон всё летел в безбрежной вышине. Его не волновали ни земные заботы, ни людская суета там, внизу. Он словно имел свою великую цель, ведомую только ему, и направлялся туда, откуда солнце начинало свой путь.

Там, на востоке, на самом Дальнем Востоке, где и не слыхивали о горном королевстве Ингимунд, он опустился на землю и превратился в полноводную равнинную реку, что спокойно и размеренно устремляла свои потоки к Великому океану.

И те, кто проживал на левом её берегу, называли эту величавую реку ласково – Амуром, а те, кто по правую, – почтительно – Чёрным Драконом.

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

Адаменко Светлана Валерьевна
(с. Аркадьевка, Архаринский муниципальный округ)

Ну что, Сочинитель, терзаешь перо, мараешь бессчётно бумагу?

Помнишь, как однажды украдкой, под покровом ночи, ты проник туда, где керосиновая лампа робким светом грела вдохновение? Туда, где рядом с сотней книг жила она – Муза, всецело принадлежа Поэту.

Зная, что нельзя, ты похитил её. Помнишь, как она билась за пазухой, когда ты вынес её из обители Поэта? Как стремилась и рвалась обратно – к нему – к тому, кто нежил её рифмами, лелеял строфами.

Ты помнишь...

И что теперь, Сочинитель? Где же твои нетленные шедевры? Почему же из-под твоего пера выходят лишь преисполненные бездарностью кривые строки? Ты извёл столько чернил напрасно.

Она не подчинится тебе. Муза – птица свободная и своенравная, и сама выбирает себе хозяина.

И вот она бьётся, раня свои нежные крыльышки о прутья золотой клетки, куда ты нещадно её заточил.

Отпусти же её! Она не твоя. Видишь, она понапрасну расточает свой свет искрами, что безвольно опадают и гаснут, превращаясь в безжизненный пепел. Она истощается в твоём плену.

Но нет! Ты упрямо пытаешься воздвигнуть свой монумент тщеславия на обломках чужого счастья. Но они – и развалины твоей же мечты!

Я знаю, как желал ты стать вечным в умах и душах людей. Но потом появился он – Поэт со своим Творением, которое затмило все твои поэмки и стишки. Ни один из них не мог бы сравниться даже с мимолётным экспромтом Поэта. Ты хотел бы почивать на его лаврах, мечтал бы примерить венец его славы, но всегда оставался лишь в тени его пьедестала.

Ты забыл, Сочинитель: идеал недостижим, и гением можно только родиться. Ты истёр свои стопы о ступени лестницы в небо. И, ослеплённый лучами чужой славы, стремясь наверх, в итоге потерял себя.

Кто ты теперь? Вор? Изгнаник? Преступник?

Чего ты добился, отгородившись от всех в своей келье?

Ты чахнешь над чужой драгоценностью в попытках разгадать неподвластную разуму тайну. Ты выкрадёш её у Поэта в надежде, что она поступит тебе в услуженье.

Но так не случилось.

Вот и полночь пробило на старинных часах. Ты вздрогнул. Что пугает тебя? Что ты задумал на сей раз? Мне не нравится твой хитрый прищур, этот хищный оскал...

Ты берёшь огарок свечи и идёшь в ночь. Опять к нему? Зачем?

Ты видишь, заглянув в окно, как при свете керосиновой лампы твой соперник – Поэт – мечтается в тесной комнатке в поисках своей Музы, задыхаясь без вдохновения. Ты лишил одного – возможности творить, но лишил тысячи – возможности наслаждаться его творениями.

Ах, тебя греют чужие терзанья? Злорадствуешь. Как же это подло и гнусно!

И вот ты снова вторгся в его обитель. Что ещё ты задумал? Заносишь над пламенем свиток, исписанный пером Поэта. Что ты делаешь?! Опомнись! Остановись!

Но твои глаза сверкают безумным блеском, разум заполнен туманом. Ты сам не ведаешь, что творишь! Надеешься возвыситься над обращённым в пепел шедевром? Но забыл, что рукописи не горят!

Ты говоришь – полыхнули! Ты говоришь – испепелились...

Как же ты наивен!

Ну что, Сочинитель, сидишь над белым листом, тщетно пытаясь нащупать рифмы? А они всё ускользают, лишь мелькнув на прощание отблеском озарения, языком того пламени, которому ты предал Творение Поэта.

Но ты скёг тогда только бумагу. А идеи и мысли нельзя уничтожить! И снова чужое Творение, возродившись из пепла, затмевает твои вирши, взывая к душам людей, заставляя их смеяться и плакать. И они вновь рукоплещут Поэту.

Чужая Муза по-прежнему томится в твоём заточении. И по-прежнему бьётся о золотые прутья решётки, угасая и слабея.

Отпусти...

О, что я вижу! Ты решительным шагом подходит к клетке и распахиваешь настежь дверцу. И обезумевшая от неволи птица вырываётся на свободу, рассыпая напоследок тысячи искр, которые мерцают в сумраке кельи, словно светлячки.

Теперь ты снова один. Наедине с собой. Таким одиноким ты ещё не был.

Но ты ведь сделал то, что должен был! Ты исправил свою ошибку! Почему же тогда рвёшь на себе волосы? Отчего такая тоска в сердце? Говоришь – там пусто? Говоришь – там гулко?

Но смотри: что светится там, во мраке дальнего угла? Неужто это она? Точно! Она самая! Смотри, смотри, Сочинитель! Ну почему ты не смотришь?! Не веришь?

Она летит к тебе, расточая свет сонном искр. Она несёт с собой пламя – пламя вдохновения! С ней ты больше никогда не будешь одинок. Смотри же! Вот она! Твоя Муза!

ПОЕЗД-ПРИЗРАК

Вершикова Дарья Валерьевна
(с. Среднебелая, Ивановский муниципальный округ)

События Великой Отечественной войны не оставляли равнодушным никого, даже тех, кто оказался вдали от фронта. Вот и в небольшом поселке на востоке России, где дороги утопали в грязи, а в лесной чаще прятались призраки прошлого, местные жители давно перестали верить в обычное. В этот уголок, где люди так часто сталкивались с трагедиями, пришла ещё одна – за гранью человеческого понимания...

Мужики, сидя у костра, рассказывали историю о странном поезде-призраке, который часто появлялся на заброшенных рельсах, проходящих через густой лес, что вели от ближайшей станции к посёлку. Этот поезд не был частью мира живых. Он будто был приспешником самой Войны и нёс за собой лишь смерть и горе в облаке чёрного дыма.

Местные говорили, что в первый раз его увидели в самом разгаре войны, когда военные эшелоны с солдатами ехали через этот участок, неся с собой мрачные думы. Поезд был серым, как пепел, стальным, как сама Война. Его вагоны медленно передвигались по рельсам, выдавая скрежет металлическими суставами, а дым из трубы поезда был чёрным и густым, как ночная тьма. Лишь в самый последний момент, перед тем как он исчезал в лесу, можно было увидеть охваченные болью и ужасом лики людей или тех, кто остался от них, смотрящих сквозь окна. Они смотрели прямо в душу тем, кто осмеливался взглянуть в ответ.

Однажды, в конце 1944 года, когда война была на грани своего завершения, старик Алексей, который всю жизнь проработал на железной дороге, решил пройти по пути, где видели тот самый поезд-призрак. Слышал он странные и пугающие вещи, и его старое сердце было полно решимости разобраться в этом. Он вышел далеко за полночь, когда над посёлком поднялся густой туман. Утренний мороз трещал на деревьях, а воздух был тяжёлым, будто сама природа противилась решению старика. Но, несмотря на это, Алексей шёл, храбрясь, и старался не думать об опасности, ведь железная дорога была для него вторым домом.

Идя медленным шагом какое-то время, он услышал странный звук – еле слышный скрежет металла вдалеке. Он знал, понимал, что это был ТОТ самый поезд, и его сердце забилось гулко, а в горле встал ком. Алексей на секунду замешкался, встал и судорожно начал

искать внутри себя ту уверенность, с которой он выдвигался в свой путь. Сжав руки в кулаки, он стал двигаться в сторону шума, шаг за шагом, понимая, что входит в густой и плотный туман. На пути перед ним внезапно возникла тень. Присмотревшись, он еле разглядел поезд, настолько он растворялся в тумане. Тот самый поезд, о котором все так много говорили. Но он выглядел не как обычный поезд, к которым привык Алексей за время своей работы на железной дороге. Этот был очень стар, его вагончики, казалось, разваливались на ходу, а в окнах было еле заметное свечение. Алексей встал в нерешительности. Он почувствовал, как его сердце хотело выпрыгнуть из груди, когда поезд с характерным скрежетом подошёл ближе. Он видел лица – мёртвые лица, израненные, с гримасами боли, как будто они были заточены в этих вагонах как в ловушке. Они безмолвно кричали. В их глазах давно погас жизненный свет.

Вдруг один из них открыл рот, и из его уст вышел только шёпот, такой тихий и глубокий, что Алексей едва его расслышал: «Помоги...». Это слово было произнесено так, как если бы оно исходило не от человека, а от самой Вселенной.

Алексей почувствовал, что больше не может сдерживать дрожь страха, он захватил его и накрыл с головой, словно морская волна. Он попытался отступить, но его ноги не слушались. В голове гулко и громко звучало: «Беги!». Поезд, не замедляя хода, пронесся мимо него, оставив за собой только тёмный след от дыма. Старик, казалось, стоял вечность без движения, будто под гипнозом.

На следующее утро Алексей исчез. Его не нашли ни на станции, ни в посёлке. Он просто исчез, как те души людей, что навсегда остались в этом поезде. С тех давних пор, когда туман обвивает железные пути, местные не рисуют подходить к ним. Говорят, что поезд иногда всё же появляется, но теперь он забирает не только тех, кто осмелится посмотреть в его окна, но и тех, кто решит пройти вдоль старых рельсов. Так люди говорят.

Люди до сих пор рассказывают о поезде-призраке Великой Отечественной войны, который несёт смерть в тумане, не давая забыть те страшные годы. И говорят, что, если ночью на железной дороге вы вдруг услышите тяжёлый скрежет металла – лучше бегите, бегите без оглядки. Этот поезд не ищет пассажиров. Он ищет тех, кто готов быть его частью навсегда.

СКАЗКИ ИЗ ЛЕСА

*Григорьева Марина Феликсовна
(с. Сосновый Бор, Зейский муниципальный округ)*

Сказка Осеннего леса

– Бабушка, а мы сегодня пойдём в лес за сказками? – поинтересовалась Дашуля.

– За сказками?.. – призадумалась Бабушка. – Пойдем, внученька, за разноцветными осенними сказками. Бери, Дашуля, свою сказочную корзинку, а я возьму свою волшебную сумочку, и мы отправляемся в путь!

Осенний лес встречает гостей тихим шелестом, опадающих листвьев. Завораживающим, немножко с горчинкой, запахом прелой хвои. То тут, то там мелькают кустики ярко-красного шиповника. Узкая тропинка кружит, петляет между деревьями, открывая лесные тайны.

– Бабушка, пойдём скорей! Смотри как здесь интересно! – от нетерпения подпрыгивает Дашуля.

– Подожди, Дашенька, не торопись, – отзыается Бабушка, – в лес нужно с уважением входить. В пояс ему поклониться да разрешения спросить.

– Как спросить? – удивляется Дашуля.

– А вот так, – Бабушка кланяется в пояс. – Здравствуй, Матушка Природа! Здравствуй, Батюшка Лес! Здравствуйте, Лешачки-Лесовички, бабушкины-дедушкины помощнички! Разрешите нам по вашим лесным тропинкам погулять, осенних сказок впрок на зиму набрать?

– Ой, бабушка! А осинка-то нам поклонилась! – удивлённо ойкнула Дашуля.

– Это нам Батюшка Лес с Матушкой Природой разрешение своё дали. А Лешачки-Лесовички с осинкой поиграли. Поблагодари их, Дашуля.

– А как, бабушка? – недоумевает внучка.

– С поклоном, внученька, с поклоном.

– Спасибо, Матушка Природа, – кланяется в пояс Дашуля, – спасибо, Батюшка Лес. Спасибо, Лешачки-Лесовички.

– Бабушка, а кто такие Лешачки-Лесовички и почему ты их называла дедушкиными-бабушкиными помощничками?

– Лешачки-Лесовички – внучата Матушки Природы и Батюшки Леса. Лес-то большой. Порядок в нём наводить за всеми грибниками-

ягодниками тяжело. Вот Лешачки-Лесовички и помогают. Где кустики, поломанные подвяжут. Где травку помятую поправят. А иногда горе-грибнику голову так заморочат, что блудит он по лесу, блудит, а выйти из него не может. А если и выйдет, то в толк никак не вольмет: почему-грибов-то в корзинке у него нет?

— Бабушка, а почему они так поступают? Разве можно так озорничать? — интересуется Дашуля.

— Эх, моя хорошая, не все к Батюшке Лесу да к Матушке Природе с уважением относятся. Есть такие горе-грибники, которые в лес придут за грибами-ягодами, да не столько собирают, сколько кусты да деревья ломают, травку вытаптывают, тропинок не замечают, домики лесных зверушек разрушают. Вот Лешачки голову-то им и заморачивают, чтобы лес здоровым сохранить.

— А нам они голову не заморочат? — опасается Дашуля.

— А ты, внученька, поговори с ними. Попроси их нам посодействовать, сказок полную корзинку на долгую зиму собрать.

Дашуля робко улыбнулась, теребя за ленточку косичку:

— Лешачки-Лесовички, помогите нам, пожалуйста, корзинку сказок полную набрать. — Она старалась говорить ласково и уважительно.

— А ты нам ленточку красную из твоей косички подаришь? — вдруг раздался тоненький голосок, и из травки высунулся остренький, как сучок, любопытный носик.

— Ой! — от неожиданности Дашенка подпрыгнула. — Конечно, подарю! Только я тебя не вижу!

— И не увидишь, пока я сам не захочу показаться! — залился смехом Лешачок.

Под ноги Внучке и Бабушке выкатился лохматый клубочек. Клубочек завертелся, закружился и... перед гостями появился маленький озорной Лешачок. Он был похож на лохматый серо-зелёный шарик с острым, похожим на сучок носиком, ярко-зелёными глазками и небольшими ручками и ножками.

— Только, чур, лес наш не обижать, — предупредил Лешачок.

— Мы не будем обижать лес, — Дашуля оглянулась на Бабушку, — нам бы только сказок немножко, зиму скротать.

— А я и сам знаю, что вы лес уважаете и цените, — улыбнулся Лешачок.

— Как ты догадался? — удивилась Бабушка, всплеснув руками.

— Я вас, наших дорогих гостей, встречал и видел, как вы в наш лесной дом входили: с поклоном и уважением, — пояснил маленький Леший.

— Догонишь меня, Дашуля? — озорно подмигнул Лешачок.

И побежал-покатился лохматый шарик между осинками, между берёзками на лесную полянку, усыпанную опавшими разноцветными листьями.

— Ах, какая красота! — воскликнула Бабушка, увидев взметнувшийся вверх необычный фонтан.

Это Дарьюшка с Лешачком, весело играя, стали подбрасывать пёструю осеннюю листву как будто наперегонки: у кого выше? Раскатывающимся эхом озорной, детский смех разнесся по тихому лесу, а в голубое приветливое небо стремительно взлетали яркие салюты листьев.

Листочки красные, жёлтые, оранжевые, берёзовые, кленовые, осиновые кружились в воздухе. Лёгкий ветерок подхватывал их, поднимал вверх всё выше и выше, и кружил в лёгком, воздушном танце.

Дашуля слегка притомилась, устала и стала искать место, куда бы присесть.

Рядом с тропинкой стоял лесной пень, окруженный порослью маленьких сосёнок.

— Присаживайся, Дашенька, отдохни, — сказала Бабушка, — да по-распрашивай Пень про лесное житьё-бытьё.

Сказка Старого Пня

— Эх, — проскрипел Старый Пень, — и я был когда-то молодым, полным сил деревом. Корабельной сосной. Ты, наверное, даже и не знаешь, что это такое.

— Не знаю, дедушка Пень, — пожала плечами Даша, — расскажите, пожалуйста.

— Корабельная сосна — это дерево огромной высоты с необычайно прямым стволом без сучков. Из таких деревьев в старину корабли делали. Поэтому и прозвали такие необычные сосны — корабельными. Корабли получались прочными из-за сосновой смолы и лёгкими. А в моё время из корабельных сосен делали мачты для яхт — морских парусных лодок.

Я был крепким высоким здоровым деревом. Меня даже жуки-короеды стороной облетали — запах смолы их отпугивал.

Пришли как-то в наш лес корабельных дел мастера. Облюбовали меня на мачту, спилили ствол и увезли.

— Дедушка Пень, а почему они вас с собой не взяли? — поинтересовалась Дашуля. — Это же так интересно побывать там, где ещё ни разу не был!

— А я, Дашенька, не просто так остался в нашем корабельном лесу. Видишь маленькие сосёнки?.. — поинтересовался Старый Пень.

— Вижу, — кивнула головой Дашуля.

— Это мои внучки подрастают, — продолжил свой рассказ Старый Пень. — Они ещё несмышлённые, не знают, как стать настоящей кора-

бельной сосной. Кроме меня подсказать им, как правильно расти, некому. Я сосёнкам не просто дедушка, а ещё и учитель.

— Это, если Бабушка учит меня шить и вязать, то она тоже моя учительница? А я думала, что учителя бывают только в школе, — удивилась Дашуля.

— Молодец, Дашенька, правильно поняла! — похвалил девочку Старый Пень. — Знания и опыт так и передаются — от старших к младшим.

— А сейчас познакомься с моими внучками. Потрогай их. Не бойся — иголки у нас не колючие, как у простых сосен, а мягкие. И шишки наши необыкновенно большие, как твоя ладошка. Возьми, Даша, на память мою шишечку.

— Спасибо, дедушка Пень, за шишечку и за сказку. А мы с Бабушкой и Лешачком-Лесовичком пойдём дальше, — прощается Дашуля.

И снова кружит-петляет лесная тропинка. Мелькают уже не кустики шиповника, а кусты бузины все в ярко-бордовых листьях и чёрных ягодах.

— Бабушка! А полянка-то вся в оранжевых блюдечках! — всплеснув руками, воскликнула Даша.

И точно — оранжевая полянка.

— Ой! Осторожно, девочка! Ты нам все шляпки испортишь! — Возмущился кто-то.

— Кто вы? — Дашуля аккуратно раздвинула желто-зелёную травку.

— Не видишь?.. Мы — Рыжики. Осенние грибочки.

— Рыжики? — Задумалась на минутку Даша. — Нет. Вы — Оранжевики!

— Девочка, разве ты не знаешь, что рыжий и оранжевый цвет — это одно и то же? — Удивились рыжики.

— Не знала. А вы не ядовитые? Уж сильно вы яркие! А мне Бабушка рассказывала, что яркие растения предупреждают своей окраской, чтобы их не трогали, — опасается Дашуля.

— Мы — съедобные. А почему мы такие яркие узнаешь из нашей сказки.

Солнечная сказка

Когда-то давным-давно Матушка Природа решила посадить грибы в разные леса. В берёзовых рощах стали расти подберёзовики. В осиновых гаях — подосиновики. В сосновых борах — маслята. А в смешанных лесах грибы все перемешались. Рядом с маслятами росли волнушки и подберёзовики, боровики и подосиновики, дождевики и мухоморы.

А вот в самых тёмных хвойных лесах никто не хотел расти. Уж очень там было мрачно и сыро!

И Матушка Природа посадила в эти леса нас. Тогда мы были бело-серого цвета. Такие же печальные, как хвойные леса. Мы целями днями плакали, потому что к нам не приходили грибники и не радовались нам.

Однажды ярким осенним днём через маленькую щёлку в хвое к нам пробрался Солнечный Лучик. Он очень огорчился, увидев такую печальную полянку. Но солнечные лучи не умеют долго печалиться. Они всегда находчивы и жизнерадостны. И наш гость был таким же. Он пробежался по нашей полянке, немножко подумал и захлопал в ладоши:

— Ура! Я придумал, как вас развеселить! Вы станете нашими братьями — Рыжиками! И будете освещать своим цветом ваши хвойные леса.

Солнечный Лучик взял ведёрко с оранжевой краской и раскрасил наши платья в рыжий цвет.

Наш лес сразу преобразился! Он стал ярким и нарядным, потому что мы своими новыми платьями сделали его праздничным!

Каждый, даже самый маленький грибочек, способен добротой и радостью преобразить всё-всё вокруг! Иногда достаточно одной улыбки, чтобы сделать мир праздничным и ярким.

— Какая добрая сказка! — восхитилась Дашуля.

— А ты на память о нашей сказке возьми горсточку рыжей опавшей хвои. Зимой на неё посмотришь и сразу о нас вспомнишь.

— Спасибо вам, Рыжики, за подарок и чудесную сказку! — поблагодарила девочка.

И снова кружит-петляет лесная тропинка. Катится Лешачок-проводничок между ёлками, между берёзками. Ещё один поворот...

И перед гостями расстелился небольшой пятак лесной полянки, покрытый низкими тёмно-зелёными кустиками с красными ягодками.

— Ура! — радостно хлопает в ладоши Даша. — Брусника! Сейчас попробуем!

— Хм... Брусника? — Лешачок задумчиво смотрит на кустики. — Почему ты решила, что это брусника?

— Посмотри: листики как у брусники — раз, — загибает палец девочки, — ягодки как у брусники — два, кустики такие же — три.

— Такие, да не такие, — отвечает Лешачок, — очень похожие, но это не брусника.

— Как не брусника?! Тогда, что это такое? — от удивления опешила Дашуля.

— Это — толокнянка, Медвежьи Ушки, — поясняет Лешачок. — Да, она очень похожа на бруснику. Только листики у неё немножко другой формы, на уши медведя похожие. За это её и прозвали Медвежьими Ушками. И ягодки у неё другие. Они — безвкусные, лечебные. У кого из лесных жителей живот заболит, все у Медвежьих Ушек помоши просят.

А ты, Даша, никогда в лесу малознакомые ягоды не пробуй. Можешь нечаянно отравиться и попасть в больницу. Возьми веточку толокнянки и запомни, как она выглядит. Тогда в следующий раз не спутаешь её с брусникой.

Шли Бабушка с Дашенькой и Лешачком, гуляли и нечаянно в незнакомый лес попали.

— Дашуленька, посмотри какой лес необыкновенно светлый, берёзовый. Прогуляемся?

— Бабушка, а вдруг мы заблудимся? — прошептала Дашуля и стала оглядываться.

— Не заблудимся. Когда я была такой же маленькой, как ты сейчас, меня дедушка Леший лесной премудрости научил, как в лесу не блудить и домой всегда выходить.

— Какой премудрости? — интересуется внучка.

— Ты, — говорил он, — любую вещичку с себя сними, шиворот-навыворот её выверни и одень. Лес тебя сразу домой выпустит. Так что не заблудимся. Давай и здесь сказку поищем.

Они обошли кустики пахучего багульника и вышли на опушку.

— Бабушка! — огорчённо всплеснула руками Дашуля. — Смотри! Здесь кто-то целую кучу мусора вывалил!

Лешачок обессилено опустился на травку. С таким мусором ему не справиться.

— Пришло наше время, внученька, Лешачку-Лесовичку помочь. Сейчас мы с тобой весь мусор в пакеты соберём, на край леса унесём да службу по переработке мусора пригласим.

— Где же мы пакеты-то возьмём? — недоумевает Даша.

— А ты в мою волшебную сумочку загляни...

Дашенька улыбнулась и вместе с Бабушкой принялась за работу. Уже через полчаса опушка стала чистой, а травка, примятая мусором, потянулась за солнышком и выпрямилась.

— Спасибо вам! — послышался из-под ног еле слышный голосочек.

— Вы спасли наш муравейник. Человеческий мусор очень ядовит для нас. А в благодарность от нас — муравьёв — послушайте нашу историю.

Муравьиная сказка

Когда-то давным-давно на этот лес напали полчища вредных насекомых. Их прожорливые личинки не оставляли после себя ни листика, ни травинки... Лес стал больным и звал кого-нибудь на помощь.

В нашем большом муравейнике мы жили дружной семьёй. Когда пришёл зов леса о помощи, Муравьиная Царица собрала всех желающих в большой отряд. А Лешачки перенесли нас сюда. Мы сразу принялись за работу: стали оздоравливать лес, разбрызгивать муравьиную кислоту, рыхлить лесную подстилку, и со временем лес выздоровел. На деревьях выросли новые листочки, а травка расстелилась на земле зелёным ковром, который украсили красные, голубые, белые, розовые цветочки. Так хорошо стало вокруг, что мы подумали-подумали, да и решили остаться жить в этом лесу и защищать его от разных напастей.

Теперь ранней весной лесные звери приходят к нам и лечатся нашей муравьиной кислотой от разных недугов. Вот возьми, Даша, в свою корзинку немножко муравьиной кислоты, – Муравьишко протянул девочке веточку.

– Спасибо вам, муравьишки, – сердечно поблагодарила Дашуля и положила в корзинку веточку-подарок.

– Ну как, Дарьюшка, корзинка-то полная? – поинтересовалась Бабушка у внучки.

– Полная, – радостно ответила та.

– Наступила пора с нашим другом Лешачком попрощаться, внученька.

– Спасибо тебе, дорогой Лешачок-Лесовичок, за сказки осенние. Вот тебе подарок от меня, – Дашуля протянула красную ленточку из косички Лешачку-проводничку. – Жди нас в гости весной.

– Прежде чем мы уйдём, внученька, нам нужно с поклоном поблагодарить Матушку Природу, Батюшку Леса, Лешачков-Лесовичков и попрощаться.

– Спасибо, Матушка Природа, спасибо, Батюшка Лес, спасибо, Лешачки-Лесовички, бабушкины-дедушкины помощнички, за сказки осенние, – проговорила Дарьюшка и вместе с Бабушкой поклонилась лесу в пояс. – До встречи весной!

А ты, мой маленький читатель, дружишь с лесом? Помогаешь ли ему в беде?

Соблюдаешь ли Лесные Правила?

О РОДИНЕ И О СЕБЕ...

Решетникова Татьяна Васильевна
(г. Зея)

В дни, когда вся страна готовится к Великому празднику – Дню Победы, я почему-то вспоминаю теплый, солнечный день 9 мая 1968 года. Окончание девятого класса. Мы, учащиеся школ городов, а их было всего две, не считая начальной школы имени Ленина, собираемся на площади Коммунаров. На ней перезахоронено 53 красногвардейца и красных партизан, замученных японскими захватчиками и белогвардейцами в 1919-1922 годах. На братской могиле павших за Советскую власть была поставлена простая металлическая пирамидка. В годы Великой Отечественной войны с площади Коммунаров уходили на фронт земляки. В память о погибших строители Зейской ГЭС к 9 мая 1967 года возвели обелиск.

Мы выстраиваемся, делая коридор для ветеранов. В руках у нас веточки с бумажными цветочками, имитирующими цветы яблони, и шары. Вот они, ветераны! Они идут шеренгами, поднимая пыль, но мы этого не замечаем. Это наши герои! Они заполняют всю площадь. Их много, значительно больше, чем нас!

Мне врезался в память высокий мужчина, идущий в первом ряду, с усами, на голове кепка. Я потом не раз встречала его в городе. Он работал плотником на строительстве Временного поселка. Мой отец его хорошо знал, так как был у них мастером, называл его имя. Но ведь тогда мы до конца не понимали, как важно запомнить их имена. Мы знали, что это они, рискуя своей жизнью, завоевали нам свободу и независимость, но глубины всего не ведали. Да, воевали, да, защищали, страшно подумать, сколько погибло! И только с возрастом, пережив многое в своей жизни, видя, что чем дальше уходит время подвига наших отцов, начинаешь понимать, как Велика была Победа.

Особенно важным это стало сегодня. Очень сильно и страшно от того, что «мир спасенный» всё забыл. Но ещё страшнее, что плохо знают героическую историю своей страны наши дети и孙孙. Мы многое растеряли за 90-е годы прошлого столетия, из нас выхолостили дух патриотизма, слово «патриот» стало ругательным. Упустили что-то значимое в нашей жизни. За сменой эпох и строя не заметили, как для молодого поколения стало постыдным служить Отечеству.

У нас в семье всегда культивировалась любовь к Родине, к памяти о тех, кто пал за ее свободу. Мама у меня была начитанным человеком, именно она мне рассказала о Зое Космодемьянской, о краснодонцах, о пионерах-героях. Кстати, меня называли Таней в честь Зои

Космодемьянской. Этим именем она называлась, когда фашисты ее пытали. Мама еще очень красиво пела, у неё был поставленный от природы голос, чаще всего военные песни: «Катюшу», «Землянку», «Синий платочек». Моя семья жила очень скромно, наверное, самым большим богатством были книги, вечера за их чтением, мамины рассказы о дедах, погибших за Советскую власть, о пионерских кострах, в распевании песни «...Край родной, навек любимый, где найдешь еще такой...». Сложно не стать патриотом в такой обстановке. Брат окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова во Владивостоке, был командиром боевой части на подводной лодке. Служил на Северном флоте.

Иногда мама рассказывала о тяжелых военных годах. У нее на руках оставались младшие сестры и брат, мой старший брат (он родился в январе 1944 года), больная мать – моя бабушка. Дед перед войной был репрессирован и сослан на Урал, там и сгинул. Он работал типографским рабочим в местной газете. Обрезки от края газеты многие уносили домой детям писать, рисовать. Он тоже так делал. Кто-то донес, что он ворует бумагу. И только после войны мама, работая секретарем в прокуратуре, получила извещение о его смерти. Чтобы выжить во время войны, маме пришлось работать на колхозных полях, которых было немало вокруг Зеи, зарабатывать трудодни зерном, овощами. Даже умудрялись откармливать свинью на картофельных очистках. Носила ведрами из леса ягоду, грибы, рассказывала, как голубица спасла умирающего брата. Потому любимым угождением в нашей семье были шаньги с голубицей.

Отец же редко участвовал в наших разговорах о войне: общие фразы, о себе молчал. Папа очень любил военные фильмы, знал имена всех военачальников, читал о них. У нас была книга мемуаров Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». Я часто видела отца, читающего эту книгу. Жуков был его кумиром, ведь тот тоже из крестьян, как и мой отец. Жуков окончил три класса церковно-приходской школы, а мой отец – один. Папа был очень сентиментальным человеком. Он не мог смотреть спокойно фильмы, где гибли люди, на глазах выступали слезы. Любимыми кинолентами были «Подвиг разведчика» и «Судьба человека». Мог цитировать наизусть. Но о своей военной судьбе никогда не говорил. Я и не интересовалась, мне хватало того, что говорили в школе, в книгах, в кино.

Никогда не задумывалась, почему отца нет в строю ветеранов, почему о нем никто не говорит в День Победы. Общие поздравления и всё. Почему с торжеств, посвященных этому дню, всегда возвращается мрачным. И уже взрослой я узнала правду. После школы я не поступила в вуз, и папа меня устроил в геодезию, тогда строили Зей-

скую ГЭС. Как-то на обеде мы оказались вдвоем. Почему зашел разговор о войне, о прошлом, не помню. Тогда он рассказал, что не был на фронте, так как отбывал срок на Колыме в одном из сталинских лагерей как враг народа. В 19 лет его обвинили в контрреволюционной деятельности. И всю жизнь такое клеймо несли мы, его дети. В нашей семье данная тема была закрыта. Но сейчас не об этом.

С первых дней войны папа подал рапорт, чтобы его отправили на фронт. Он готов был сражаться даже в штрафном батальоне. Но ему не дали добро, сказали, что для победы нужно золото. И даже, когда в декабре 1944 года стал вольнонаемным, его не отпустили. Еще оставались пять лет без права выезда и переписки. Отец вынужден был остаться работать на прииске «Ударник». И только через 10 лет мог уехать с Колымы. Я это к тому, как была сломана судьба человека! А отец в юности мечтал стать ветеринаром.

Узнав, как проехала машина репрессий всеми колесами по нашей семье, я была возмущена до глубины души. Вечером вернулась мама с работы. Я кричала, я клеймила Сталина, который подписывал приговоры, не глядя. А там ведь были невинные люди, многие из них образованные, которые могли принести огромную пользу стране. Родители не хотели слушать меня, мама закрыла уши руками: он не знал! Это ж надо как любить свою страну, чтобы прощать!

Когда папа умер от цирроза легкого, заработанного в шахтах Колымы, я решила поговорить с мамой на эту тему. Но та сказала, что ничего не хочет слышать и клеймить свою многострадальную страну не будет. Тогда я поняла, что дело не в поклонении Сталину или страхе наказания, а в огромной беззаботной любви к Родине, в наших русских грустных песнях, нашей дремучей тайге, что начинается от порога, в народе, который все это отстоял в самой страшной войне. Это для них было свято и нерушимо. Мои родители свою Родину считали лучшей страной в мире. Помню, как искренне радовались первому полету в космос, любым достижениям. Грустили, когда она сталкивалась с трудностями. Но никогда ни в чем не обвиняли.

В педагогическом коллективе школы им. М. В. Фрунзе родилась идея увековечить память учителей и учеников школы, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. По проекту учителя рисования и черчения Бориса Васильевича Мамаева началось изготовление памятника под руководством бывшего фронтовика, учителя труда Колесникова Алексея Филипповича. Памятник представлял четырехметровую стелу с отсеченным левым углом, означавшим ушедших на войну и не вернувшихся земляков. Стела состояла из двух частей. В основании верхней части, под бетонной плитой, была замурована капсула с письмом школьников 1967 года для школьников 1995 года. Капсулу должны были вскрыть через 30 лет, в честь 50-летия Вели-

кой Победы. В письме к потомкам говорилось: «Мы, ученики школы имени Фрунзе, в дни славного пятидесятилетия нашей Родины обращаемся к вам – поколению 90-х годов. Чтить память тех, кто отдал жизнь во имя нашей счастливой жизни – одна из лучших традиций нашей школы. Закладывая этот обелиск, мы клялись вечно чтить память выпускников нашей школы, сражавшихся и погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Их имена занесены в «Книгу почета» школы... В этот юбилейный год комсомольскую организацию нашей школы обком комсомола наградил Почётной грамотой за хорошую успеваемость и активную работу, – пишут они. – В Вашем, более прекрасном будущем, не забывайте тех, кто завоевывал для нас счастливую жизнь!». Заканчивается письмо словами Роберта Рождественского:

*...Какою ценой
Завоевано счастье, –
Пожалуйста, помните!..*

Нам, сегодняшним, многое в письме кажется наивным. Но мы на самом деле так жили, приближая будущее не для одного, отдельно взятого человека, а для целой страны.

На окраине городского парка 28 октября 1967 года состоялось открытие памятника. На митинге присутствовали ветераны войны. Помню тот осенний день, когда нас, учащихся школы, построили в шеренгу, сделав коридор, по которому краеведы, члены совета дружины и комсомольской организации бережно несли кубок с капсулой. Было очень торжественно и тревожно, хотелось плакать. В центре обелиска на мемориальной доске надпись: «Учащимся школы им. Фрунзе, павшим в боях за Родину в годы войны».

Мне посчастливилось в 1995 году побывать на митинге, посвящённом изъятию капсулы и чтению письма потомкам. Я привела своих учеников. Помню, что-то говорила, как свидетель событий.

В 1979 году школу им. Фрунзе и школу № 5 объединили. 22 июня 1999 года в день 58-й годовщины начала Великой Отечественной войны состоялось открытие нового памятника на территории школы № 1. В центре на мемориальной доске золотыми буквами надпись: «Светлой памяти учителей и учащихся г. Зеи, погибших в боях за Родину 1941-1945 гг.». У подножия обелиска проходят все школьные торжества, сюда несут цветы.

И опять грянула беда! Над нашей Родиной дым... Опять враг рвётся к нашим домам, на наши земли. Время, когда как лакмусовой бумажкой определяется, кто есть кто. Многое в эти трудные времена стало откровением. Иногда не самым хорошим. Вдруг тот, кого ты

считал человеком своего поколения, патриотом до мозга костей, с кем распевал за праздничным столом «Жила бы страна родная, и нету других забот...», оказывается со мной по разные стороны баррикад, по его выражению. И когда я иду плести маскировочные сети, с ожесточением спрашивает: «А зачем? А где государство?». Ничего не могла ответить, кроме: «Не надо одно с другим путать. Да и мальчишки в окопах при чем?». Может, я что-то не понимаю?

Еду из Хабаровска домой, в купе мы вдвоем. Еще молодой человек. Зовут Дима, ему 35 лет, выглядит значительно моложе. Конечно же, разговорились, беседа зашла о сегодняшних событиях. Мой попутчик запальчиво сказал: «Да никто не хочет идти на СВО по своему желанию, или призвали, или чаще всего, из-за денег». Что можно было сказать? Он рожден, рос и учился в 90-е годы, когда всё, что было святым для нас, обесценилось. Да, война – это страшно, это кровь и смерть. Моему внуку в этом году исполнилось 18 лет, очень переживаю. Но, если все мы поддадимся панике, страху, тогда кто же защитит родную землю, землю отцов и дедов, нашу независимость и свободу? Ведь давно известно, что раб с хозяином за одним столом не сидят. А как же те, что в 1941-м ушли на фронт, не задумываясь, понимая, что если не они, то кто же. Чем они руководствовались? Что их вело к Победе?

Брожу по тихим залам нашего провинциального краеведческого музея в канун великого праздника – 80-й годовщины Великой Победы. Вижу портреты тех, кто ушел на Великую Отечественную войну, кто не вернулся. В архивах музея нашла фотографию четвертого выпуска школы им. М. В. Фрунзе, который почти весь после выпускного бала ушел на войну. Я вглядываюсь в суровые лица ребят, враз повзрослевшие.

После выпускного вечера, веселые и счастливые, ребята едут на природу, строят планы, мечтают. Но короткое и страшное слова «война» зачеркнуло всё то светлое, о чем мечталось. Вспоминает М. В. Сухарев, выпускник 1941 года: «В этот первый день войны в школе собралось человек двадцать парней – выпускников 1941 года и других лет. Напуганные, растерянные, но с твердым желанием идти на фронт. Тут же написали заявление в военкомат: «Мы, ученики школы им. М. В. Фрунзе г. Зеи хотим идти добровольцами на фронт. Даём слово защищать любимую Родину до последней капли крови». Почти каждый из ребят имел значки ГТО и ГСО. Многие знали ручной пулемёт Дегтярева. Сам Сухарев имел значок «Ворошиловский стрелок». Через несколько дней ребята получили повестки.

Вот как писал об этом Булат Окуджава, поэт, фронтовик:

*Aх, война, что ж ты сделала подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли –
Повзросли они до поры...*

На фронт уходили и учителя. Немногие уцелели в этой жестокий войне. Не вернулось 43 ученика и два учителя школы. Их имена можно увидеть на памятниках и обелисках.

Михаил Васильевич Сухарев, кавалер Ордена Отечественной войны, гвардии старший лейтенант, командир взвода автоматчиков, принимал участие в Сталинградской и Курской битвах. Перед первым боем он писал своей сестре Соне: «Если погибну, то не за что-нибудь, а за свою Родину!». В 1944 году Сухарев после тяжелого ранения вернулся в Зею. Преподавал в родной школе военное дело, затем – историю. Самыми интересными уроками были уроки о войне. И самыми тяжелыми для него.

И опять солнечный май. 9 мая 2025 года. Мы в строю Бессмертного полка с портретами наших близких, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. День замечательный, будто и он с нами вспоминает дорогих нам людей. Идём по улицам нашей старой Зеи, развиваются флаги, взмывают в небо шары, звучит музыка. Вот впереди меня идет молодая семья с портретами дедов, ведут за руку девочку, одетую в гимнастерку, юбочку, пилотку военных лет. Слышала рассуждения по этому поводу, что неприемлемо наряжать детей в военную форму, чуть ли не кощунство. Я так не считаю. Смотрю на маленькую девочку, и на глаза наворачиваются слёзы – грустно и трогательно. Ведь именно тем молодым девушкам, ушедшим на фронт, эта девчушка обязана счастливым детством. Только из нашего района на фронт ушли 94 девушки. Ребенок еще не понимает сути этого праздника, но будет помнить радость дня. Сохранится фото, и родители расскажут его историю. А это посеет зерно великой любви к Родине.

С моим свёкром я познакомилась, когда мне было 19 лет на дне рождения его сына, моего будущего мужа. После перекура все сели за стол, но я оказалась на кухне в компании будущего свёкра. Он уже хорошо принял на грудь за здоровье сына, попросил меня посидеть. Я присела, он начал говорить о войне. Говорил и плакал, а мне хотелось за стол, к сверстникам, но я слушала его внимательно. Он участвовал в боях на Курской дуге, где получил тяжёлое ранение. Это было пекло. Его ранило в лицо, почти оторвало челюсть. Она висела на сухожильях, тащилась за ним. «Меня выносили такие же, как ты, девочки. Двух убило, третья смогла вынести», – говорил Николай Алексеевич и плакал навзрыд. Всех раненых свалили в тран-

шею. Кто кричал от боли, кто был без сознания, некоторые пытались выбраться наверх, подминая под себя других. Когда прилетел санитарный самолет, мест внутри не всем хватило. Некоторых привязали к крыльям, и его в том числе. Летели на бреющем, прямо по макушкам деревьев. Немцы обстреливали и снизу, и сверху. Он потерял сознание. Очнулся через много дней в госпитале... Было жутко слушать, но и уйти было невозможно. Впечатления остались на всю жизнь. Вот о чём я думала, увидев девчушку в военной форме.

В зале Красной Армии в Мавзолее на горе Витков в Праге начертаны слова чешского поэта, журналиста, члена коммунистической партии Чехословакии Вitezлава Незвала:

*Друг мой, бдителен будь на земле, под которой я стыну!
Право требовать это я смертью в бою заслужил.
Я ушёл на войну. Я убит в день рождения сына.
Я убит – чтоб он жил, я убит – чтоб ты жил.
Человек! Я хочу, чтоб с войною повенчан ты не был!
Чтобы кровь моя самой последнею кровью была!..*

Есть ли еще этот зал, и осталась ли надпись? К сожалению, во многих братских когда-то нам странах прошла волна уничтожения памятников советским солдатам и всего, что связано с нашей Победой.

И вновь я мысленно иду по залам нашего музея. Останавливаюсь у стендса, посвященного ребятам, погибшим на СВО. Кто бы мог тогда подумать, что с нами случится сегодня, что придётся опять отстаивать мир внукам и правнукам тех, кто брал Берлин. Вглядываясь в лица молодых и не очень наших защитников. На сердце горько от понимания того, что это не сон, что опять нам пришлось сойтись в смертельной схватке с коварным врагом. Я вижу знакомые лица учеников нашей школы, помню их мальчиками, хорошо знаю родителей. Миша Духовников, Максим Ткачев. На фотографиях они возмужавшие, хорошо понимающие свою миссию на Земле. Оба награждены Орденом Мужества посмертно...

Вступаем на площадь Коммунаров. В 1987 году здесь провели полную реставрацию, на месте братской могилы и обелиска соорудили мемориальный комплекс. Мы попытались подойти ближе к мемориалу. В первых рядах на стульях сидят ветераны. Их мало. Среди них фронтовиков нет. Начался митинг, поздравления, залпы из орудий, песни военных лет. Возложение венков, цветов. Я устремляюсь к братской могиле, где захоронен бабушкин брат, воевавший за Советскую власть, кладу красные гвоздики. Теперь – к обелиску, на котором начертаны имена погибших в годы Великой Отечественной

войны. Кладу цветы и поворачиваюсь к площади... Стою несколько минут в оцепенении. На площади море народа! Такого я еще никогда не видела! Над толпой плывут портреты наших героев. Вот они! Это забыть невозможно. В душе и горечь, и радость: никто не забыт и ничто не забыто!

В тот день мы побывали еще на одном мероприятии. В городском парке, на стадионе, прошла театрализованная военно-историческая реконструкция эпизодов Великой Отечественной войны. В центре – русская деревня, захваченная фашистами. Немцы решают сжечь жителей в сарае, но наши бойцы успевают освободить их. Зрители следят за действием, затаив дыхание. Настоящие выстрелы, взрывы, крики, кровь, смерть. Очередь из немецкого пулемета наповал сражает несколько наших бойцов и гражданских. Крики женщин, плач детей и... тишина. В оцепенении ждем развязки. И вот фашисты бегут, помочь раненым и плач над убитыми. Наши бойцы уходят дальше, деревня провожает их...

Мороз по коже. Взрыв аплодисментов. Замечательно справились с задачей актеры народного театра и приглашенные поучаствовать в реконструкции. Со мной рядом стоят молодые женщины, девушки, юноши. Многие из них плачут. Меня поразил еще один момент. Когда в конце представления заиграл гимн, дети, сидевшие на траве, вскочили, встали по стойке смирно.

Нет, не все еще потеряно! Верю, что в русском человеке дух патриотизма не убить никогда и ничем. Он в нас с кровью отца, молоком матери! И наша сила – в единстве!

КОСТЯ ИЗ 140-Й КВАРТИРЫ

Соловьева Александра Владимировна
(г. Благовещенск)

Кирпичная угловая девятиэтажка затесалась между частными домами на окраине города. Этот район по праву считался отдалённым, зато приятно радовал ценами на квартиры.

Дом был ещё новым, но бытовых проблем уже хватало. Поэтому жильцы почти сразу завели общедомовой чат и старались обсуждать насущные вопросы сообща. Старший дома появился будто ниоткуда: его никто не выбирал. Казалось, он был в этом доме всегда, с первого кирпича, появившегося на стройке.

Молодой, энергичный парень Антон не очень подходил на роль старшего. Обычно за дела дома берутся активные старушки на пенсии. А тут вот надо же – появился, выискался, сам себя назначил, да так и остался на этой должности.

Домовым чатом тоже руководил Антон – добавлял новых участников, удалял старых, ставил вопросы на повестку дня, отчитывался о проведённой работе.

Чат живёт насыщенной жизнью, почти каждый день жильцы обсуждают обстановку в подъездах и доме в целом.

«У всех света нет? Здравствуйте! Второй подъезд нет света!», – пишет Татьяна.

«Это у вас только нет, на третьем этаже ремонтируют розетки, скоро подключат, не паникуйте», – тут же отвечает всезнающий Антон.

«А что с уборкой подъездов? У нас уже грязно, натоптано, первый этаж вообще ужас!» – негодует Надежда.

«Уборщица приходит два раза в месяц. На этой неделе подойдёт, будет чисто», – отчитывается Антон.

«Ребята, чья машина номер 797, белая? Свет в салоне горит!», – заметил непорядок Павел Сергеевич.

«Это наша, спасибо, выключили», – благодарят забывчивые Морозовы.

И каждый день чат живёт, дышит. И каждый день в диалог всегда неожиданно врывается сообщение от парня из 140 квартиры.

«А на улице сегодня кто-нибудь уже был? Как там?», – неустанно спрашивает Костя.

И среди споров о чистоте и комфорте всегда найдётся тот, кто ответит на этот простой вопрос.

«Там такой мороз! С утра уже под минус 35 и ветер. Одевайтесь теплее!», – делились соседи зимой.

«Сегодня очень тепло, уже прям пахнет весной! Правда, с крыш капает, будьте осторожны», – отвечали в начале марта.

«Да там прям лето, я в шортах вышел – жарко! Солнце припекает. Думаю, днём вообще будет сказка», – удивлялись в июне.

И вдруг однажды в середине лета, когда на повестке дня стоял вопрос о внезапно проходившейся крыше и всех беспокоили грядущие дожди, кого-то разозлил этот традиционный вопрос от Кости из 140 квартиры.

«Да ты замучил уже со своей улицей! Выйди, да сам посмотри, что там! Мы тут дела решаем, а он «Как погода, да что на улице?». Иди, пройдись, нам расскажешь», – нагрубил соседу многодетный Алексей из 39-й.

Чат замер, притих в ожидании ссоры.

«Да я бы с удовольствием вышел, но не могу. Ноги не ходят после ранения на СВО, где я воевал, чтобы у вас была возможность свободно решать свои дела в этом чате», – ответил обидчику Костя.

«Извините, Костя, вспылил. Я не знал, простите меня. Погода сегодня хорошая, птички поют. Извините ещё раз», – нашёл в себе силы ответить Лёша.

И чат замолчал на несколько дней. После такого диалога никто не решался предложить новую тему для обсуждения. Но что-то происходило, без дела такое событие нельзя было оставить. По вечерам за домом встречались несколько самых обеспокоенных соседей, чтобы обсудить дела лично.

– Я всё выяснил, он действительно оттуда. Не ходит, живёт с мамой, она старенькая уже. Коляски у него нет, он лежит просто. А кровать далеко от окна стоит, ему даже не видно, что на улице происходит, – докладывает соседям Антон.

– Ужас какой! – вздыхают впечатлительные женщины.

– Надо помочь! – торопят мужики.

– Он гордый, может отказаться от помощи, – размышляет Антон.

– Ничего, нас много, просто так не отвяжешься, – смеются соседи.

Уже через пару месяцев активисты круто изменили жизнь своего героя. Они сумели достать современную инвалидную коляску с электроприводом, а ещё помогли Костиной маме сделать перестановку в комнате, перетащив кровать к окошку.

– Теперь Костя сможет не только по квартире сам передвигаться, но и выбираться на улицу! Лифт у нас рабочий и подъёмник на первом этаже мы запустили, – отчитался перед соседями старший дома.

Чтобы Костя мог сам оценить обстановку на улице, в квартиру номер 140 всё чаще стали наведываться жители дома. С вопросом

«А Костя выйдет?» заглядывали даже соседи-школьники. Все, у кого появлялось свободное время, были рады помочь парню спуститься во двор и не забывали провожать Костю домой.

А в Новый год и вовсе случилось настоящее чудо. Когда уже прошли куранты, Костя с мамой, сидя за скромно накрытым праздничным столом, услышали крики со двора. «Костя, выгляни в окно!» – кричала толпа. Дрогнули занавески, удивлённое лицо парня появилось в проёме.

На детской площадке он увидел своих соседей – вышли все, кто не спал этой новогодней ночью. «Костя, это для тебя!» – закричал кто-то и ночное небо озарили залпы праздничного фейерверка. Такого салюта Костя не видел давно. Он прижался лбом к холодному стеклу и шептал в новогоднюю тьму «Спасибо, ребята, я никогда не забуду!». Мама крепко обнимала его за плечи.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

*Титаренко Александр Федорович
(с. Ивановка, Ивановский муниципальный округ)*

Настоящая красота живёт в сердце,
отражается в глазах
и проявляется в поступках.

Вот и закончилась зимняя сессия, зачёты и экзамены сданы. К тому же без хвостов и удовлетворительных отметок, только на «хорошо» и «отлично». Так что на следующий семестр стипендию Кирилл себе заработал. Впереди долгожданные двухнедельные каникулы дома у родителей. Учёба на факультете очень интересная, да и сама студенческая жизнь, насыщенная яркими событиями, впечатлениями, знакомствами. Но родной дом, малая Родина, как часто говорят, тянет к себе невидимыми нитями, сотканными из родительской любви, добродетели и заботы, а ещё той красоты, которая окружает нас всюду с детских лет. И только взрослея начинаем понимать и ценить её.

За окном рейсового автобуса простиралась белая безбрежная равнина, убегающая куда-то за горизонт. Редкие рощи и колки лишь оттеняли неповторимый зимний пейзаж, в котором доминировал белый цвет под синью неба, и только чёрная змейка асфальтной дороги звала вперёд – в родной и желанный дом, в котором воздух особый, как волшебный эликсир, настоящий на молоке, пирогах, капусте, варёной картошке, каких-то ягодах, приправленных сосновой смолой и печной дымкой вперемежку с морозным паром. Это обычно и привычно для жителей села, это их повседневная жизнь, но совсем по-другому воспринимаешь всё вокруг, когда приходится вновь возвращаться после долгого отсутствия.

За воспоминаниями и размышлениеми быстро пролетело время, а с ним и расстояние. Солнце укатило за горизонт, сумерки своим серым покрывалом спрятали дневные красоты. Впереди тусклыми огоньками заблестели окна домов родного села. Несмотря на то, что автобус продолжал двигаться, огоньки то приближались, то удалялись. Кириллу уже казалось, что это время никогда не кончится, но автобус неожиданно выскочил на сельскую улицу с домами с двух сторон, телеграфными столбами и большими толстыми тополями, вечными стражами деревенских улиц.

Вот наконец и знакомая остановка. Несколько десятков метров – и родительский дом.

Приезд сына домой – всегда событие, похожее на праздник: не важно, сколько он отсутствовал, главное вернулся здоровый, желанный и у него всё хорошо.

Ужин за семейным столом не похож ни на какое другое застолье: здесь нет изящных блюд и изысканных разносолов, всё просто, сытно и вкусно. Здесь главное не еда и напитки, а душевые разговоры и житейские воспоминания. За семейным столом не принято поучать и обсуждать. Надо уметь честно говорить и внимательно слушать, не важно, какого ты возраста.

Меняются темы разговора, меняются рассказчики и тянутся разговоры далеко за полночь, пока вдруг кто-то из домочадцев или гостей не вспомнит, что завтра рано вставать.

Весь вечер, с кем бы ни разговаривал Кирилл, о чём бы ни рассказывал сам, его не покидала одна-единственная мечта, ради которой он так стремился попасть домой – это зимняя охота. Много раз в своих фантазиях он устраивал погоню то за диким кабаном, то за косулей, то за сохатым или за фазанами. И, как настоящий охотник, добивался удачи.

Оставшись наедине с отцом, Кирилл спросил:

– Пап, а давай завтра сходим на охоту?

– Нет, что-то мне не хочется, да и здоровье хандрит. Если хочешь, то сходи. Но только послезавтра, а завтра подготовь всё, что надо. Я давно уже на охоту не хожу, хотя лицензия на косуль и фазанов у меня есть.

Весь следующий день ушёл на подготовку охотничьих снаряжений, начиная от ружья и кончая лыжами.

Утро входило в свои права, солнце уже бросило свои первые лучи на заснеженные поля, ночной крепкий мороз с нежеланием отступал, капризно заполняя низины и пойму реки белым туманом. Село скрылось за белой морозной дымкой, как в утреннем парном молоке.

Лыжи Кирилла плавно скользили по снежному насту, оставляя за собой чуть заметный след. Дорога была хорошо известна, не один раз пришлось по ней пройти – летом на рыбалку к реке, по ягоды и грибы в дальнюю рощу, да и зимой поставить петли на зайцев или погоняться за фазанами, облюбовавшими колхозные соевые поля.

Впереди чернела роща, почти вплотную к ней подступали соевые поля с небольшими копёнками соевой соломы, оставленными ещё с осени. Сюда, как сказал отец, похаживали косули, питаясь сытными соевыми бобиками и соломой.

На восходе солнца любой звук слышно на сотни метров. Заметив в полукилометре от поля небольшой стог сена, охотник поспешил к стогу, чтобы устроить засаду.

Более часа, зарывшись в сене, Кирилл зорко всматривался в белое поле, приготовил на всякий случай ружьё. Зная, что косуля очень чуткое животное, предпочитал меньше шевелиться, хотя утренний мороз всё же проникал сквозь одежду.

Вдруг, не нарушая тишины, из-за рощи выбежала косуля, за ней ещё одна, потом еще две. Как в немом кино, они двигались по заснеженному полю, не издавая никаких звуков. Движения их были лёгкими и грациозными. Рыжий окрас тулowiща и бурый цвет головы, увенчанной рожками, придавал особенную красоту этим копытным.

Наивно поверив нависшей тишине, животные приступили к своей трапезе, аккуратно сбивая копытцами снег с соевой кучи, выбирали что-то важное и съедобное на их взгляд.

Кирилл тихо поднял ружьё и направил мушку на самого крупного животного. Всего лишь сто или сто десять метров отделяло охотника от его добычи. Всего один лишь выстрел.

Каким-то внутренним чутьём самец вдруг почувствовал опасность, резко повернул голову в сторону охотника и замер. Кажется, в этот самый момент глаза их встретились.

Повинуясь какому-то внутреннему чувству, Кирилл вдруг представил: «Пуля достигнет животного в считанные доли секунды, тупо и больно ударит в грудь, и скорее от выстрела, чем от осознания гибели, косуля кинется к спасительному лесу, на ходу разбрызгивая горячую кровь на холодный белый снег. А потом из последних сил будет ломиться через кусты, обрызгивая их кровью. Другие косули, испугавшись выстрела, кинутся в открытое поле, будто бы там есть где спрятаться от страшного выстрела.

Молодой охотник опустил ружьё, снял варежки, потом резко вскочив, хлопнул, что есть сил в ладоши, прошептал: «Живите!...».

Косули, повинуясь инстинкту, сделали несколько резких скачков, остановились на мгновение, оглянулись на звук и помчались по заснеженному полю, поднимая своими копытцами облачка снега.

Кирилл, улыбаясь, смотрел вслед убегающим вдали косулям, пока они не скрылись в дальней балке. А потом, вдруг, полагаясь на какое-то внутреннее чувство, резко вскинул ружьё и выстрелил вверх. Ружейный звук разорвал хрустальную тишину, покатился по полю, поднялся кудато вверх и отозвался глухим эхом где-то далеко за лесом.

Выстрел спугнул сидящих вдали на дереве двух лесных «болтушек» – сорок. От неожиданного звука они, громко стрекоча, бросились в сторону деревни. Наверное, со страха поспешили к своим таким же подружкам – «болтушкам» поделиться свежей новостью.

Кирилл опустил ружьё, окинул взглядом заснеженные окрестности и подняв голову к небу, тихо произнёс:

– Почти как салют. Вот и поохотился.

МОЖНО ЛИ ПОЧИНИТЬ ГЛОБУС? (рассказ-аллегория)

*Титаренко Александр Федорович
(с. Ивановка, Ивановский муниципальный округ)*

Будущее принадлежит тем,
кто верит в красоту своей мечты.

Элеонора Рузвельт

Просёлочная дорога петляла между сельских домов, обнесённых деревянными заборами. Кое-где заборы уже обветшали и накренились, штакетник почернел от времени, а в некоторых дворах он поро-дел либо был надломлен в верхней части. За ним приотились садо-вые деревья, раскинув в разные стороны свои корявые ветви. Похо-же, когда-то здесь были фруктовые настоящие сады, но со временем, как и всё вокруг, они пришли в запущение. Сквозь жёлто-коричневую листву проглядывали высохшие ветви, подставив свои растопыренные пальцы-ветки осенним лучам солнца.

Возраст домов легче всего определять по крышам, которые со временем тускнеют, теряя былой цвет. Местами на шиферном по-крытии образуются тёмно-серые потёки и трещины, заполненные землёй и мхом. Судя по этим приметам, домам давно за пятьдесят лет, а некоторым и более. Но серость улицы быстро рассеивается, как бы невзначай сквозь штакетник забора проглядывают разноцвет-ные пушистые георгины, а далее, ближе к дому, своими яркими гроздьями красуются кусты калины, да яркие красные кисти свисают с рябины.

Когда-то это было большое село со своей инфраструктурой, боль-шая часть взрослого населения которого работала в колхозе. Меха-низаторы, занятые в растениеводстве, выращивали зерновые и бобо-вые культуры, картофель, травы для сенажа и сена. Животноводы разводили крупный рогатый скот, свиней, получали молоко и мясо.

Был детский сад, сельский клуб с библиотекой и, конечно, школа, куда спешила местная детвора, где ежедневно шли занятия, меро-приятия, спортивные соревнования.

Но пришли другие времена: распался колхоз, была ликвидирована животноводческая ферма, плодородные земли перешли в соб-ственность соседнего хозяйства. Люди начали покидать село. Как-то незаметно закрылись детский сад, клуб с библиотекой. И вот в этом

году закрылась школа. Учеников осталось мало. Да и учителей почти не осталось.

Дорога неожиданно упирается в крашеный голубой забор с большим школьным двором, спортивной площадкой, цветочными клумбами и посадками деревьев. В глубине двора, растянувшись вширь, одиноко стоит здание школы. Закрыты двери, окна, нет детской суеты и звонкого смеха. Только старая черёмуха своими длинными ветвями потихоньку стучит в крайнее окно, да шалун-ветер гоняет по двору обрывки каких-то бумаг и кусочки магнитофонных лент.

Случайно замечаю: на нижних ветвях черёмухи распустились цветущие кисти. Странно видеть на осеннем дереве весенние белые соцветия. Это не предсказание, не какой-то знак, просто наступившая тёплая погода после похолодания обманула растение, и оно приняло потепление за вдруг наступившую весну.

Приблизившись вплотную к этим безвременно распустившимся кистям черёмухи, в глубине зарослей замечаю лежащий большой глобус. Как он сюда попал, останется непонятным. Скорее всего, его просто оставили во дворе, когда вывозили оборудование и мебель, а потом бросили за ненадобностью в кусты.

Передо мной лежало одно из главных наглядных пособий любой школы, вечный символ образования – глобус. Уменьшенная модель земного шара. Но судьба крепко потрепала этот глобус. На вид он был весь потёртый. Бумажная карта во многих местах отклеилась от основы, частично оторвалась, а частью торчала обрывками. В районе Южной Америки имелась вмятина, а на европейском материке трудно было различить страны. Африка, наверное, долго пролежала в сыром месте. Границы, названия стран и столиц были трудно различимы.

В отличие от современных пластмассовых глобусов, этот сделан из пенокартона. Такие делали вплоть до середины шестидесятых годов. Он состоял из слоя вспененного полистирола, оклеенного тонким картоном с обеих сторон.

Передо мной лежал настоящий политический глобус. Чуть восточней Австралии на небольшой товарной этикетке мелким, едва различимым шрифтом значилось, что сделан он в далёком 1956 году. Значит, прослужил он верой и правдой более пятидесяти лет, а может быть и больше. Всегда стоял на видном месте. На уроках географии показывал, где находятся материки и океаны, острова и страны, города и столицы. А на переменах детвора, облепив учительский стол, с любопытством любила вращать этот макет Земли.

К моему удивлению, Северное полушарие сохранилось хорошо, особенно самая большая страна в мире – Союз Советских Социали-

стических Республик. Видны республики, края и области, крупные города и столицы, моря и реки. Правда, краски уже выцвели.

Бережно беру свою находку и несу в машину. Для меня, как и для любого географа, глобус, неважно какого он масштаба, какого возраста, какой тематики, имеет свой сакральный смысл. Он – символ науки, образования, познания. А ещё для нас, географов, глобус – лучший друг. Он несёт в себе огромные знания, всегда рядом, просто стоит и никогда не мешает.

Я забираю его с собой, чтобы отмыть от пыли, выровнять вмятины, отремонтировать, покрасить и проклеить и, может быть, вылечить «от глобальных и региональных катастроф и конфликтов», как лечит доктор больного, как чинит машину мастер, как восстанавливает картину реставратор.

Оборудовав в гараже маленьку мастерскую, приступил к починке глобуса. Кстати, слово «починка» наиболее подходит к моей работе. Ведь починить – значит исправить, сделать пригодным к употреблению.

Самое трудное в любом большом деле решить, с чего начать. Простой, но извечный вопрос, ответ на который знает лишь тот, кто представляет, что же должно получиться.

Можно очистить глобус от отклеившихся и потрепавшихся лоскутков, а потом приклеить новые, скачав их из Интернета. Получится новый политический глобус на старой основе. Но сколько бы ни было приложено сил и стараний, он будет уступать глобусам, свободно продаваемым в магазинах.

И вот сейчас передо мной глобус 1956 года, на котором картографически зафиксирована историческая эпоха конца пятидесятых годов. Помнить то время я просто не могу – был еще ребёнком и даже не ходил в школу. Гораздо позже я узнаю: это было время перемен, великих строек и освоений, больших открытий и начинаний. Время начала космической эры. Этот период войдёт в историю как «хрущёвская оттепель». Может, восстановить на глобусе прежнюю эпоху, ушедшую в историю?

А может, дать ему другую жизнь, более яркую, светлую и романтичную?

Вымытый и высушенный глобус чем-то напоминал потрёпанную детскую игрушку – мишку Тедди, у которого потёртый мех, заплатки, забавный носик и удивительное обаяние. Такой символ добра и тепла – любимая игрушка детей. А ещё Tatty Teddy – всегда желанный подарок.

Аккуратно, сантиметр за сантиметром, разглаживаю задравшиеся листочки карт и приклеиваю их к основанию глобуса. Через неделю мой глобус уже стоит на подставке. Правда, его поверхность больше

похожа на залатанный шар, но уже хорошо различимы материки и океаны, острова и моря, крупные реки и озёра. Границы между странами заметны, а вот цветовая гамма еле просматривается.

Тонким маркером обвожу границы стран. Стараюсь точно следовать пунктирным линиям на карте. Сегодня уже границы стран иные, появились новые государства, другие исчезли либо поменяли свои названия, распались колонии.

Но моя задача не политическая. Я просто хочу вылечить глобус, дать ему вторую жизнь.

От одного священника я однажды услышал, что Бог разговаривает с нами через своих ангелов языком света и языком цвета. Наверное, поэтому мы так с замиранием сердца провожаем закат и встречаем рассвет, преклоняемся перед красотами гор и равнин, чудесами рек и блеском озёр. Но более всего удивляют и восхищают нас цветы – особые творения Божьи. Они различаются формой, размерами, цветом, оттенками, да просто красотой, которая способна растрогать душу любому человеку. О цветах пишут писатели и поэты, их рисуют художники и ваяют скульпторы, делают фотографии и нейроснимки. Но ни один мастер не сможет передать прелесть и великолепие обыкновенного одуванчика, его особый аромат.

Возможно ли обозначить страну не цветом, а цветами? Ведь каждая страна ассоциируется с каким-то растением, с каким-то цветком.

Каждую страну закрашиваю белой краской, а потом приклеиваю маленькие символы для каждой страны в виде цветов.

Первая страна – Россия. Её символ – ромашка. Цветок символизирует здоровье, чистоту, её считают символом русской природы.

Для Китая символом является нарцисс – нежный жёлтый весенний цветок. Он символизирует счастье, радость, удачу и счастливый брак. А лотос лишь занимает второе место.

На острова Великобритании приклеиваю красные розы и немножко белых. Францию прикрываю жёлтыми лилиями, а Нидерланды украшаю красно-жёлтыми тюльпанами. Германия на моем глобусе василькового цвета, потому что её национальный цветок – василёк.

Белоруссию часто называют синеокой из-за голубых полей льна. На фоне Украины разместились маленькие подсолнухи. А Польша славится красными маками.

Канада вместо цветов своим символом считает кленовый лист. Лотосы украшают Индию. У островной Индонезии символом считается «Puspa Pesona», лунная орхидея. Её ещё называют «волшебный цветок» за необычайную красоту.

Нежный водный цветок нимфея олицетворяет Иран. Ярко-красно дубравная ветреница символизирует Израиль. Саудовская Аравия,

знаменитая своим жарким климатом, считает королевский жасмин своим священным цветком.

В каждом штате Америки свои цветы-символы, но есть и общий, утверждённый Конгрессом. Это алая роза, почитаемая и любимая в каждом штате.

Идея полностью завладевает мной. На просторах интернета разыскиваю символы стран, распечатываю их и аккуратно приклеиваю на контуры выбранной страны.

Прошла осень, пролетела зима, и весна уже входит в свои права. Глобус стало не узнать. Он больше похож на большую цветочную клумбу шарообразной формы. Голубая гладь океанов и морей придают какой-то скрытый смысл этой рукотворной композиции. Неспроста в психологии голубой цвет считают символом Вселенной, чистым и таинственным. Он позволяет слышать себя и понимать других.

На новом глобусе трудно найти города, другие географические объекты, да и с географической сеткой не всё нормально. Но здесь много цветов, а значит, много красоты, любви, доброты и нежности.

В далёкую Викторианскую эпоху даже существовало такое увлечение, как флориография, или, другими словами, язык цветов. Это особая система для выражения чувств между людьми, тайных обещаний, настроений и идей. Языком цветов договаривались о встречах и расставаниях, признавались в любви и чествовали победителей, встречали новорожденных и провожали умерших, веселились на праздниках и украшали избы и церкви, но никогда не враждовали. Нет на языке цветов таких слов, как война, ненависть, злость, нищета, горе.

В завершении работы покрываю своё творение водостойким лаком и, устроившись поудобнее в кресле, впадаю в размышления: что же делать с этим глобусом?

Сколько просидел в кресле, сказать не могу. Время за размышлениями идёт, похоже, в других измерениях...

Вновь передо мной просёлочная дорога петляет между сельских домов, но почему-то в весенней дымке они выглядят обновлёнными и гостеприимными. Аккуратные заборы из свежеструганного штакетника, а кое-где покрашены голубой или синей краской либо побелены, наверное, совсем недавно. У калиток удобно примостились крашеные скамейки с резными спинками.

За этими заборами шумела весна: яблони, сливы, груши и многие другие садовые деревья и кустарники буйно цветели, окрасив всё вокруг в нежно-белый цвет. Молодые листочки, блестя своим зелёным цветом в лучах солнца, чуть вздрагивали от ветерка, шаловливо снующего по садам и палисадникам.

За цветущими деревьями просматриваются старые, но ещё добрые дома с резными ставнями и наличниками. Окна домов, сверкая своими стёклами, смотрели куда-то вдаль, встречая каждого проезжающего солнечными зайчиками.

На зелёной лужайке мирно паслись гуси. И только вожак, высоко задрав свою голову, рассматривал мою машину, оценивая возможность опасности для всей стаи. Но уже через минуту, потеряв интерес к новому объекту, продолжил щипать сочную молодую травку.

Неожиданно на высоковольтной опоре, что стоит вдали за домами, обосновались аисты, соорудив большое гнездо. Хорошо видно, как по-хозяйски аист поправляет что-то в гнезде, а его напарница уже уютно устроилась, готовится стать матерью для будущего потомства. Как это ни удивительно, но в прежние времена аисты в селе не селились.

Вновь передо мной тот самый школьный забор. Но сегодня он выглядит иначе. Кто-то совсем недавно покрасил его в голубой цвет, на траве видны капельки, случайно оброненные при покраске.

На первый взгляд кажется, тот же двор, та же спортивная площадка. Но сегодня меня встречает не пустое школьное пространство. Десятка два подростков и несколько взрослых бережно сажают цветы на клумбах, которые ещё осенью были в запущении. Рядом с клумбами стояли какие-то тазы и коробки, наполненные рассадой. Глядя на работающих, становится понятным, что они это делали добровольно, по-доброму, но ответственно.

Сегодня школьный двор больше был похож на зелёную лужайку: никаких обрывков бумаги, кусков магнитофонных лент, фантиков и пластиковых бутылок. Рядом со старой черёмухой неравнодушные сельчане соорудили небольшую деревянную резную беседку со скамейками и столиком внутри.

Мой приезд для присутствующих был неожиданным. После знакомства мы быстро находим общие темы для беседы, так как наши взгляды и интересы во многом совпадали.

Идея с глобусом всем понравилась. Было решено поместить его в беседке, чтобы каждый посетитель этой цветной территории мог любоваться на макет цветущей Земли и задуматься, что же сможет сделать каждый, чтобы наша планета была ещё прекрасней.

Весть о моём приезде быстро разнеслась по селу. К бывшей школе шли всё новые и новые сельчане. Среди них были люди разного возраста: дети, подростки, мужчины, женщины и пожилые люди. Все они были по-разному одеты, имели разные головные уборы либо вообще были с непокрытой головой. Отличались походкой, характером, но что-то тайное, неуловимое, важное соединяло их и сближало.

Сообща они решили: здесь, на школьном дворе будут расти цветы, много цветов, чтобы каждый житель села мог любоваться этим прекрасным миром, приводить и привозить сюда гостей и знакомых. А их дети найдут здесь дружбу, понимание, уважение и любовь к своей Родине. То, что сейчас теряется по разным причинам.

А сегодня они несут рассаду цветов, бережно выращенную дома, делясь будущей красотой и добром с односельчанами.

Общаясь с этими добрыми людьми, о которых я ещё утром ничего не знал, начинаешь понимать: мы думаем и разговариваем на языке цветов, имя которому красота.

Завтра я обязательно приеду сюда, на этот островок добра и любви со своей женой, чтобы посадить возле беседки саженцы маньчжурского ореха, которые выращиваем в своём саду.

Пройдёт время, и, сидя в беседке под сенью ветвистых кустов маньчжурского ореха, можно будет любоваться цветущим уголком, созданным руками простых, но мудрых людей.

... Время за размышлениями идёт, похоже, в других измерениях...

Я по-прежнему сидел в кресле. На столе передо мной стоял отремонтированный глобус.

... Надо ехать. Меня там ждут. Надо что-то менять.

ЯМА

Фокшина Дарья Алексеевна
(пгт. Серышево, Серышевский район)

Жил-был мальчик Ванька Задиркин. Уж очень он любил других людей обижать. Выйдет бывало во двор, в песочнице поиграть с другими детьми, а потом – бац! – и лопаткой по голове ударит другу Петьке Несмиянцеву. Петя ему: «Почему ты всегда дерёшься? Злой ты Ванька! Надоело с тобой дружить». А Ванька в ответ в него камни кидает. Или катается на велосипеде по тротуару, а ему навстречу идет Полина Тихова. Ванька перегородил дорогу и говорит: «Куда идешь, Полинка-свинка?», и как брызнет на нее из лужи. Полина заплакала и убежала домой. Соседка тетя Таня увидела это и начала его ругать: «Ты почему Полину обзываешь? Разве можно так? А из лужи зачем ее обрызгал? Мало того, что девочку обидел, так еще ее маме забот прибавил!». Подошел дядя Леша военный из соседней квартиры: «Иван! Разве так делают настоящие мужчины? Ты же будущий защитник нашей Родины! Эх, надо тебя в армию к себе забрать и там воспитывать!». На что Ванька ответил им: «Отстаньте! Что хочу, то и делаю! Идите отсюда, противные!». И поехал себе дальше, еле слыша вдогонку слова взрослых о том, что такое безобразное поведение его до добра не доведет, и пожалеет он еще о своих поступках.

На следующий день Ванька как всегда играл во дворе. Только почему-то не было никого рядом. Мальчик переломал все построенные замки в песочнице, покидался песком в голубей. Скучно одному... Разорвал все объявления на дверях подъездов, бросил бомбочку в мусорный бак. Но как-то невесело... И вдруг видит незнакомый мальчик по двору идет. В очках, худенький, с книгой в руках. Ванька расцвел! Подбегает к нему, выбивает книгу из рук и как крикнет во все горло: «Очкарик!». И язык показывает. Мальчик ничего не ответил. Хотел лишь книгу поднять, но Ванька со всей силы швырнул ее ногой в глубокую яму неподалеку, которую выкопали для ремонта старых труб. Мальчик снова ничего не ответил, а лишь пристально посмотрел на хулигана своими большими глазищами через стекла очков. Ване даже показалось на миг, будто он внутрь него проник. Не понравилось ему это ощущение. Незнакомец пошел прочь, а Задиркин кинул в него свои шапку, шарф и куртку, а потом бегал по двору и кричал обидные слова, громко хохоча при этом.

И вдруг случилось то, чего он никогда не мог представить, даже ни в одном из страшных снов! Нога его резко соскользнула, земля

будто ушла из-под ног, и он с криком и грохотом падает в ту самую яму, куда книгу зашвырнул. Испугался Ванька! Яма была раз в шесть его выше. Начал он звать на помощь, но бесполезно, только голос сорвал. Нет никого. Долго Ваня плакал. Потом смотрит, книга рядом лежит. Взял ее из интереса. Оказалось, это сборник рассказов Валентины Осеевой. Открыл, начал читать. Закончилась. Много новых слов узнал он. Задумался. Оглянулся вокруг, а уже темнеть начало. Холодно без одежды, да еще и сыро в яме. Вдруг слышит голоса знакомые где-то рядом. Так это Полинка Тихова и Петья Несмелянцев! Хотел кричать им, но не получается, горло хрипит и болит ужасно. Смотрит на книгу. Придумал! Нужно книгу им бросить! Жалко ему стало ее бросать, но выбора нет. Взял ее в руки, поднапрягся из последних сил и подбросил вверх. Книга вылетела из ямы. Полина и Петя заголосили все ближе, стали слышны их шаги. Заглянули в яму, а там Ванька Задиркин. Девочка и мальчик скривились. Не любили они его за то, что он всех обижал вокруг, но, несмотря на это, мигом бросились взрослых на помощь звать.

Ваню вытащили из ямы очень посиневшего от холода. Руки и ноги почти не шевелились. Ему было очень плохо, а на душе – радостно. Наконец-то вся эта страшная история позади! Теперь он дома, в объятьях любимых родителей. Раньше мальчик никогда не ценил их заботы, но только не сейчас. Он пытался улыбнуться, но губы его совсем не слушались. С такими чувствами паренек заснул.

Через несколько дней Ваня встал раньше обычного. После переохлаждения он сильно заболел, и родители теперь его лечили дома. Иван был еще очень слаб от болезни, но, несмотря на это, он привел себя в порядок, помог маме накрыть на стол. Ведь мальчик ждал гостей – Полину, Петю и Олега. Олег – это тот незнакомый мальчик в очках. Теперь они лучшие друзья. Ребята навещали мальчика каждый день. После этого страшного случая Ваня больше никого и никогда не обижал.

БРИГАНТИНА ПОДНИМАЕТ ПАРУСА

*Шарапов Василий Алексеевич
(п. Магдагачи, Магдагачинский муниципальный округ)*

*«Прощай и будешь прощён».
(Христианская истина).*

Вместо предисловия

В виноделии есть важный момент – декантация вина, когда в процессе созревания происходит переливание из бутылки в специальный графин для насыщения кислородом (аэрации), очистки от осадка на дне и создания торжественной атмосферы дегустации.

Авторский замысел подобен метафоре с выдержкой вина – в набросках под зелёным сукном терпеливо ждёт своего часа воплощения в печатном слове. Этот процесс ожидания может длиться годами. И какое же удовлетворение получает пишущий человек, когда наступает это космическое озарение, когда с еле сдержанной радостью чеканит он по слогам гагаринское «Поехали!»

Способ общения с героями предстоящего повествования я выбрал опосредованный. Места действия, имена изменены, но страна осталась узнаваемой для многих из нас. Это наше прошлое, наша боль и радость, наша опора в жизни настоящей.

1.

Получив от отца долгожданное письмо, Виктор обрадовался и встревожился одновременно. Радость и облегчение вызвал у него оптимистичный тон весточки: «У меня всё нормально. Питаюсь хорошо. Не пью. Поправился. Одним словом – порядок в танковых войсках! Операцию на глазах сделали. Вижу, как сокол!». Встревожило желание отца срочной встречи. Что случилось? «Передай, сынок, сестре своей Надежде, что папка и её шибко ждёт в гости... На звонки она не отвечает. Видать обиду на меня, старого дурня, за маму держит. Уж, потрепал я нервы всем вам... Хочу, чтобы простила меня: дюже тяжко».

Мама Виктора, Мария, угасала долго и в муках. После нелепой гибели старшего сына отчеканила страшный приговор себе: «Скоро и я уйду». Из цветущей улыбчивой голубоглазой красавицы вмиг превратилась в сгорбленную с посеревшим морщинистым лицом, с бескровными в складку потрескавшимися губами старуху. Начали сыпаться один за другим некогда жемчужной белизны зубы. Когда-

то пышные густые каштановые волосы клочьями выпадали, оставляя на голове спутанные редкие седые пряди. Закончив в войну курсы медицинских сестёр, повидав страдания на госпитальных койках тяжелораненых красноармейцев, Мария категорически запретила больничным медсёстрам ставить ей обезболивающие уколы, когда коварный рак яростно пожирал её плоть: «Хочу уйти при памяти. Всё вытерплю».

Надежда при грудном младенце разрывалась между отцом и матерью. Самой бы отдохнуть – дочка шибко беспокойная: чувствует крошечка всеобщую тревогу. Надо и матери вовремя поменять постель (в больнице сиделки не оказалось) да и отец чудить стал – запил то ли от страха неминуемой потери жены, то ли оттого, что стал слепнуть.

Когда всё свершилось, сын и дочка неуверенно предложили родителю перебраться к ним в соседний район, на что тот резко отрубил: «Здесь мой дом, здесь мама... Не смогу я сидеть колодой в ваших пятиэтажках. Езжайте с Богом! За меня не переживайте: и не то перенёс за жизнь свою». Хотел, видать, детям послабление сделать – умаялись они сильно за это страшное время.

Позже от своих земляков Виктор узнал об отцовских страданиях. Оказавшись в обнимку со своим горем, Афанасий Кушниров свалился в штопор – сутками не вылезал из-под одеяла. Прикладываясь к очередной бутылке, стоявшей под кроватью, проваливался в липкую бездну беспамятства, выл от горя, страха и одиночества. Вскакивая со своего лежбища среди ночи, босиком (благо середина мая по-летнему была уже тёплой) вдоль заборов по тёмным безлюдным проулкам, иногда и на карачках (когда покидали силы) добирался до кладбища. Обнимая и целуя не успевший затвердеть и остыть могильный холмик, страшно голосил по Марьюшке своей. Потом до дна выхолощенный слезами и болью, возвращался в осиротевший дом и валился в опостылевшую без простыней и наволочек вонючую постель, тупо устремив взор на пробивавшиеся сквозь полузашторенные нестиранные занавески настырные лучи восходящего солнца, слушал последние известия об очередной послебрежневской правительственный чехарде, доносившиеся из стоявшего у изголовья на тумбочке транзисторного приёмника «Альпинист».

Отработав ночную смену в локомотивном депо и уходя на 48-часовые выходные, Виктор укладывал в рюкзак гостинцы от себя и сестры, преодолевая мучительную тоску и тревогу, садился на мотоцикл и за двести километров мчался проводить отца.

Каждый раз по приезду в родительский дом (после смерти матери) Виктор сильно нервничал: батя, закладывая от горя за воротник, не соображал – какого сыну смотреть на его небритую опухшую от

самогонки физиономию. Из крепкого сильного, некогда здорового духом и телом мужика Афанасий превращался в безвольное животное. Глядя на стремительно деградирующего отца, сын произносил внутренний монолог: «Я ведь тобой гордился... Ведь твои же слова: «Мужик тогда остаётся мужиком, когда проходит, не согнувшись, через все испытания. И что же?.. Где порядок в танковых войсках? Ты же всегда говорил, повторял!...». Чуть не плача от обиды и бессилия, Виктор хватал за грудки Афанасия, вытаскивал из «берлоги» на свет и окатывал холодной водой из бочки у крыльца. Тот, мыча и матерясь, пытался отпихивать сына ослабевшими руками, но Виктор, скрипя зубами и покрывая в ответку батьку отборным словом, доводил дело до положительного результата.

Наскоро приготовив обед, усаживал умытого и выбритого отца за стол и насилино заставлял его есть. Афанасий занудно клянчил пятьдесят капель для поправки пошатнувшегося здоровья.

— Всё, батя, никаких пятьдесят грамм! Ведь от запоя ласти завернёшь! Подумай о нас с сестрой, наконец, о внучке своей! Надежда с ума сходит от твоих вывертов, у неё от нервов и молоко пропало, а ребёнка кормить надо. Пожалей ты их, наконец!..

2.

Получив от родителя это срочное послание о встрече, Виктор в очередной раз внутренне напрягся, растревожился и, как ни удивительно, в нём проснулся странный азарт от предстоящей встречи. Будет ли спокойно, не суетно обоим им — отцу и сыну?.. Ой, как хочется этого покоя и раскованности, желания как можно дольше быть в родных стенах — как это было, когда жива была мама...

Сворачивая на родную улицу, Виктор ощущил резкую барабанную дробь в висках: на лавочке у дома под широким шатром щедро цветущей черёмухи увидел фигурки двух сидящих. Один — отец. А рядом... Кто эта женщина?

Уперев колесо «Восхода» в забор у калитки, заглушив мотоцикл, наш герой расправил с хрустом затёкшую спину; от длительной езды покалывали кончики пальцев рук, да и ступни ног легонько трепетали. Афанасий стремительно шагнул навстречу, обнял сына и прижался губами к его небритой и пыльной щеке. Вздрогнули плечи.

— Всё, всё, пап! Ну, ты что? Всё нормально. — Виктор, сконфузившись от собственного радостного порыва встречи, старался успокоить отца.

— Худенький ты, папка, какой! А голова-то вся белая... — Он крепко прижал к себе родителя.

— А кулаки по-прежнему — кувалды! Быка свалить сможешь! — Раскатисто засмеялся.

– Богатырь!

– Да, куда там... Был да весь вышел. – Вытерев огромной ладонью с узловатыми фалангами пальцев слёзы счастья, отец отстранился от сына и представил стоявшую в напряжённом ожидании маленькую женщину в цветастом по-деревенски повязанном под затылок платке.

– Знакомься, – волнуясь, подбирая нужные при данной процедуре слова, чтобы не смутить Виктора, да и самому быть убедительным в своём представлении, Афанасий, сделав резкий выдох, выпалил:

– Это Устинья Дмитриевна, моя... это... короче, мы порешили быть вместе. Вот.

– Всё нормально. Я рад за вас.

Опешив от батькиного признания, Виктор осторожно пожал протянутую маленькую, слегка дрожащую холодную ладонь женщины. Совал – радости-то не было. Было смущение. Но надо брать себя в руки и принимать ситуацию достойно, не расстраивая ни отца, ни его избранницу.

Войдя первым в дом, Виктор увидел посреди небольшого зала круглый стол, покрытый не успевшей отлежаться свежей, пахнущей клеёнкой с изображёнными белыми подсолнухами по фиолетовому полю – знать, готовились к встрече. Вокруг иконы Богородицы в по-темневшем медном окладе был повязан полотняный рушник с красными, как на вышиванках, гладью рисунками. Над зеркалом, как и при матери, глядели старательно ретушированные портреты молодых и красивых родителей, а рядом, чуть ниже, – портрет той, с кем сейчас отец...

Устинья Дмитриевна заметно волновалась, суетливо расставляя на столе яства. Присаживаясь на краешек стула, конфузилась, отвечая на вопросы о здоровье, погоде, стесняясь своего западно-украинского говора. Слегка пригубив из стопки, вновь улетела на кухню за очередной порцией съестного, а через полчаса и вовсе покинула двух мужиков, сославшись на срочность прополки грядки с луком. Афанасий в знак согласия кивнул головой, не стал настаивать на её непременном присутствии за столом. Да, и то – стесняется шибко, не привыкла ещё к новой родне.

Наступила напряжённая пауза. Опустив голову, Афанасий начал медленно выстукивать вилкой по краю столешницы в такт тикающим часам-ходикам, висящим у серванта рядом с отрывным календарём двухлетней давности, успевшим пожелтеть от времени. Майская цифра «26» на листе календаря была обведена жирным чёрным кругом...

– Ты это, пап, спрятал бы его, – кивнув в сторону календаря, тихо произнёс сын. – Чего душу рвать-то?

– И то верно... Забыл убрать. Я щас.

Виктор придержал за плечо отца.

– А она тебе нравится?

– Кто?

Афанасий съёжился в ожидании следующего вопроса, с тревогой взглянув на сына.

– Да, ладно, папка, расслабься, – улыбнувшись, Виктор легонько похлопал по плечу отца.

– Заботливая она у тебя. И слава Богу!.. Держи пять! – Звучно приложились ладонями.

– А твоя лапища ещё больше моей! – Афанасий неожиданно громко рассмеялся. Через мгновение его осенило. Прищурив серые глаза, уперев свой лоб в лоб сына, обнял его за шею, озорно подмигнул и заговорщики прошептал: «А не рвануть ли нам... музыкаль-ны-е картинки?» «А давай!» – Виктор решительно принял вызов бати.

Кинулись к комоду. Скинув накидки с гармошки и баяна, разобрали инструменты по своим грудям: Афанасий – гармошку, Виктор – баян.

Пробежавшись гаммами по ладам (помнят ручки!), выйдя на дворовый простор, уселись на верхней ступеньке крыльца. Обдало майским мягким теплом, перемешанным со сладким запахом цветущей черёмухи.

– Пап, с чего начнём? – Виктор застыл пальцами в стартовой позиции.

– «Саратовские переборы!» Пойдёт? – Афанасия разбирало от предстоящего подзабытого музыкального состязания с сыном.

Определив «в мажоре» тональность, начали медленно расправлять меха. Словно играя в поддавки, предоставляли друг другу лидерство – соло. Обоих начинало распирать восторгом от совместного музыкального действия. Иногда переглядываясь, с улыбкой подмигивали – давай теперь ты первый, а я в погоню! Достигнув апогея музыкального повествования, словно лыжники с крутой горы – отец и сын пустились в такие переборы, что пальцы обоих заплясали, словно муравьи в порушенном муравейнике. Тут уж не до уступок – кто кого! И вот финиш! Короткое «тремоло» правой рукой и двойной коронный щёлчок пальцами левой руки по инструменту. У-ух!

– Молодцы – засланцы! – Афанасий, сияя от радости, ухватив Виктора за шею, упёрся своим лопатистым носом в такой крупный сыновний предмет физиономии.

– Устинья! Бросай ты эти грядки! Сидай з намы!

– Та я тут пороблю трохи..., – оцепенев от увиденного и услышанного, стояла она, держась за приоткрытую калитку, не решаясь присоединиться к компании музыкальных виртуозов.

Долго ещё, до самого заката, когда полулетняя прохлада начала ласково укутывать прогретую за солнечный день землю, отец с сыном состязались в игре и вокале: была тут и «Рябина кудрявая» – любимая песня матери (пели в «терцию»), блатная «Как-то по проспекту с Манькой я гулял» – солировал Афанасий, а напоследок рвали «Идёт солдат по городу». С придурачиванием прошлись строевым до калитки, ведущем в улицу, развернулись и, барабаня пальцами по инструментам, ещё раз, акапела, громко повторили припев солдата, идущего по городу. Затем, ещё раз перейдя на строевой шаг, закинув инструменты за спину, вошли в дом и с грохотом плюхнулись на диван. Заржали как жеребцы!..

– Ну, что, сын, давай ещё тяпнем по одной: праздник всё-таки – ты вот приехал!.. А мы вот с Дмитриевной переживаем... – вдруг не пригляднемся... А ты молодец! Прости, сынок, тяжко одному-то – вот и сошлись. Да и мама твоя во сне приходила с советом. – У отца вдруг приподнялись плечи. Сдерживая всхлип, он резко опрокинул в рот рюмку водки.

– Всё хорошо, батя, я очень рад, что ты сейчас под присмотром... – Виктор взглянул на лик Богородицы и увидел... мамины глаза – спокойные, красивые, ласковые, любящие...

– Ты это давай, закусывай! Да втроём чайку попьём. – Афанасий заботливо придвинул сыну глубокую тарелку с уже остывшей картошкой и почти не тронутыми громадными котлетами с подливом.

– Пойду я, пожалуй, прогуляюсь... Всё было очень вкусно. Спасибо. – Виктор обнял за плечи подошедшую к столу Устинью. Та, застеснявшись, с благодарностью коротко чмокнула его в щёку.

– Ладно, развейся. Мы закроемся на крючок, а ты, как придёшь, стукни в стенку пару раз. Лады? – Афанасий и Устинья, проводив гостя до калитки, ещё некоторое время смотрели ему вслед, пока тот не растворился в густом сосновке, окружающем сельский клуб.

3.

Проходя по обезлюдившему окунувшемуся в вечерние сумерки парку, Виктор впервые за минувших два года был спокоен. Долгий пресс переживаний сиротства наконец-то перестал сжимать сердце. И, как тяжело больной, оправившийся от изматывающего тело недуга, наш герой чувствовал лёгкое головокружение, вдыхал с долгой задержкой ароматы, словно в хороводе обвивающие его, – родные ни с чем не сравнимые запахи сосновых майских иголок и зарождающихся на мощных ветвях молодых зелёных шишек.

На улице Центральной у лесопунктовской конторы Виктор разглядел сидящую на пачке ошкуренных столбиков небольшую фигур-

ку человека с гармошкой. Пьяненький заплетающимися пальцами пытался выводить «Когда б имел златые горы».

– Здорово, дядя Миша! Не признал? – Тот откинул слегка наклоненную голову к забору.

– Это же я, Витя, Афанасия Кушнирова сын! Ну, узнал?

Миниатюрное цвета печёного яблока лицо, испещрённое мелкими паутинками-морщинами, засияло в широкой улыбке. Полутусклая лампочка на столбе осветила ровную гребёнку верхних железных зубов.

– Витка, сынок! – Сдёрнув с щупленьких плеч гармонь, дядя Миша ткнулся головой в грудь присевшему рядом Виктору. Дыхнув плотным перегаром, шибко расчувствовавшийся, попытался облобызать нежданного собеседника.

– Ты молодец! Папку не забываешь! Приехал... А батя у тебя – во! Мужик что надо! А играет-то как! Не то, что я... «ты-на, ты-на у Мартына что-то там болтается». А ты-то не забыл гармошку? С отцом, небось, рванули переборы?

– Было дело... Пробежались маленько, – Виктор дружелюбно похлопал по плечу этого маленького человека.

– А вы-то как с тётей Дусей?

– Ушла Евдокия... Вслед за мамой твоей ушла, – дядя Миша коротко всхлипнул и полез во внутренний карман мятого с драным локтём пиджачка. Вынув ополовиненный шкалик «Московской» и звучно выдернув зубами газетную затычку, протянул Виктору.

– Давай, сынок, помянем наших мамок... Тяжко одному. Ох, тяжко... Давай ты – первый, а я потом... – Виктор коротко выдохнул и сделал большой глоток. Занюхав тыльной частью ладошки, протянул остатки дяде Мише. Опорожнив чекушку, тот катнул её ногой в канаву. Закурили.

– Знаешь что, Витёк, – затянувшись до ногтей, а затем затушив замусоленный окурок о кожаную подошву хромача на медной подбоке-гвоздиках, совершенно трезво и рассудительно вымолвил:

– Время подходит, уходим мы – старики, а вам жить. Да... Ты вот в отца – цепкий, со стержнем. Я ведь всё про тебя знаю: с артистов ушёл и не спился. Профессию имеешь сурьёзную: на «железке»-то балбесов не держат. Денежная, небось, работёнка? Да... И с женой разбежавшись, не рассоплился. Стало быть, усёк, что не твоя была баба. А вот мой недотёпа по своей всё ноет – любовь, мать их ити... А батьку своего прости. Мать уж не вернуть, хоть и любит её до сих пор. А жить-то надо. Одному мужику на старости ну никак нельзя: переломит как ветер тростинку. А вот вдвоём – оно как-то крепше. Да и не так скучно. А любовь – одна бывает, единственная. Да... Каждому – свой срок. А пока жив, то и думать нужно об ей – об жиз-

ни. И папка твой вот выкарабкался – сошёлся, и вам покойней с сестрой. Не осуждай батьку, Витя.

Помолчав, дядя Миша встал с нагретого и отполированного не одним его задом столбика, собрав меха гармошки, засунув трёхрядку под мышку, протянул Виктору маленькую с тонкими пальчиками ладонь. Сказал напоследок:

– И меня прости, что маленько хряпнул... Тебя вот увидел и полегчало. Ты уж не забывай родной угол, почаще приезжай... Тебе когда на работу?

– Да послезавтра в день...

– Ну, бывай. Пошёл я. А отцу привет.

Обнял Виктора. Потоптавшись на месте и растерев свободной рукой отсаженную ногу, дядя Миша быстро удалился в проулок. Входя во двор своего дома, крикнул вслед удаляющемуся в темноту нашему герою:

– А гармонь, Витёк, не забывай! Она как мать – и согреет, и успокоит! Слышишь?..

Лягущий мощный хор, небо, усеянное миллионами подмигивающими звёзд, запах парного молока из каждого подворья... Хорошо. Присев на лавочку у родной калитки, упёрся ладонями в штакетник изгороди. С хрустом потянулся... Всё. Пора на боковую. Стукнув в стенку и услышав ответное «тук-тук», поднялся гость по высоким ступенькам крыльца, разувшись у порога на веранде, вошёл в открытую отцом дверь.

Не включая свет, сел на краешек приготовленной ему кровати. От отцовского предложения попить чайку Виктор отказался: поздно уж, да и тёту Устинью будить не хотелось – умаялась ведь от дневных переживаний.

Мерно тикали в доме часы-ходики; сквозь щель задвинутых цветастых штор пробивался острый лучик от горевшей над крыльцом лампочки. Вокруг неё в стремительном танце кружили мошки и пушистые мотыльки. У изголовья на тумбочке по-прежнему стоял приёмник «Альпинист», врученный военкомом района отцу в честь Дня Победы.

Раздевшись, Виктор окунулся в мамину перину. Перевернулся на живот, согнув левую ногу в колене и, обняв громадную в свежей наволочке подушку, мгновенно провалился в крепкий без напряжений и тревог сон.

4.

Войдя утром в спальню, Афанасий нагнулся к похрапывающему сыну, осторожно сомкнул его ноздри носа. И как в детстве (вопрос-ответ) прозвучала утренняя побудка:

- Чей нос?
- Савин. – Не открывая глаз, гнусавил Витька.
- Что делал?
- Славил.
- Что выславил?
- Копейку.
- Что купил?
- Конфетку.
- С кем съел?
- Сам.
- Зачем сам съел? – Смеясь, отец легонько крутанул кончик раскрасневшегося носа, затем резко выдернул из-под головы измятую тёплую подушку.
- Подъём, гулеван! Всё проспиши! Глянь – какая красота на дво-ре! И завтрак остывает. Вставай, вставай!..

Тщательно выбритый, подстриженный «под бокс»... Когда только успел? Видно, Дмитриевна с первыми петухами озадачила отца привести себя в порядок, а он и не возражал. Не пожалел и «Шипра» – выпрыскал полфлакона и «разил как восемь парикмахерских!» От этого «букета», шебанувшего в нос, Виктор вскочил с кровати, впрыгнул в штаны и выпорхнул на свежий воздух. На крылечном козырьке деловито трещала воробышная компания, катая клювами по ложбинкам шифера многочисленных гусениц.

– Рядом с крыльцом стоял плотно упакованный рюкзак с прошлогодними закатками – пупырчатыми, словно только что с парника, огурчиками и коричневыми «ноготками» – маслятами в поллитровках. Сверху банок красовались два целлофановых пакета, набитых краснопузой, размером в олимпийский рубль, ранней редиской.

Плотно позавтракав, отец с сыном громко гаркнули хозяйке «Спасибо!». Вошли в гараж через дверь внутри рубленой кухни.

– Вот что, сынок, сегодня у нас экскурсия на мою родину: мне кое-что показать тебе и рассказать надо. Драндулет свой оставь здесь, поедем на «Урале», понял?

Афанасий переобулся в начищенные с вечера яловые сапоги, притопнул, сделал складки на голенищах. Вынув из внутреннего кармана кожанки портмоне, сунул в ладонь Виктора сложенную вдвое красную десятку.

– Это тебе на мелкие расходы. С первой пенсии отдашь потом. – Лукаво подмигнул.

– Да, чуть не забыл, – сняв с гвоздя «тревожный чемоданчик» – небольшой саквояж с печниковским инструментом (мастерком, молотком и уровнем), отец упрятал его в нос коляски.

— Давай, сынок, открывай ворота. Пакуемся — и в путь. Дорога не близкая, а делов — куча!

Прогнав на малых оборотах мотоцикл, усевшись за руль, Афанасий напялил на голову севшего в коляску сына каску. Сам же пристроил на свою — чёрную фетровую щегольского вида шляпу. Ребром ладони ударил сверху, чтоб сидела крепче. Обернувшись к Устинье, с улыбкой спросил:

— Ну, как? Красавец?..

— Да уж езжайте с Богом!.. — расплылась в улыбке.

Подойдя к мужчинам, поочерёдно поцеловала в щёки обоих путешественников и, перекрестив стремительно удаляющийся от двора экипаж, поспешила в дом.

Миновав развалины бывшей лесопунктовской пилорамы с почерневшими полуистлевшими кучами опилок и ломаного закрученного штопором горбыля, притормозив перед выездом на трассу, отец снял шляпу и передал сыну. С глазами всё было в порядке. Операцию сделали успешно. Значит, без опаски можно поддать газку.

— Ну, что, рванём? — Пригладив коротко стриженый седой чубчик, Афанасий подмигнул Виктору.

Дорога была свободная. Встречный плотный поток воздуха заглушал рёв двигателя. Передняя вилка и торсионная подвеска коляски мягко гасила поперечные (как на стиральной доске) гребни выбоины. Широкая полоса отчуждения увеличивала простор движения, скорость не ощущалась. И, только когда по ветровому стеклу коляски со шлепком размазывалась зазевавшаяся козявка, Виктор с возбуждением отмечал, что несутся они на пределе. Афанасий не сгибался и не прятался за ветровое стекло, сидел прямо, расправив плечи. Руки без напряжения лежали на руле. Казалось, что одними кончиками пальцев правил он железным конём. Виктор, обернувшись на отца, восторгаясь его статью всадника, вдруг расхохотался: мочки крупных оттопыренных ушей трепали на ветру, словно габаритные флаги грузовиков, участвующих в ралли. Афанасий, завороженный стремительным движением, вдруг запел: «В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса!..»

У отца был хорошо поставленный лирический баритон. Натянув полог на нос, сын с удовольствием слушал отцовскую «бригантину», подрёмывал, с улыбкой предаваясь воспоминаниям детства.

5.

Работая на вывозке, Афанасий иногда брал сына с собой в рейс. «Зилок» резво гнал по глубокой колеи ледяного маревого зимника. Снежная пыль курчавилась за подпрыгивающим на полуустёртых колёсами кочках пустым прицепом. Стойки прицепа на тросовых рас-

тяжках звучно хлопали. Не сбавляя скорости, Афанасий усаживал маленького немного испуганного сынишку меж своих колен. Тот, визжа от восторга, хватался ручонками за отполированный чёрный руль и выпущенными глазками, сжавшись в щенячий комочек, смотрел, как отец медленно убирает свои руки с руля:

– Не дрейфь, сын! Папка с тобой!.. «В флибустьерском дальнем синем море бригантине поднимает паруса!»

– Просыпайся, флибустьер, приехали!..

Заглушив мотоцикл, Афанасий откинул полог коляски. Картина, представшая нашим путешественникам, не предвещала мажорного настроения, да и для минорного состояния души не было никаких предпосылок: мотоцикл остановился у полуистлевшего сруба колодца-журавля. От прежнего источника питья мало что пригодного осталось. Перевес журавля, как и «баба» (толстый столб с развиликой), был до трухи изъеден прожорливыми мелкими рыжими муравьями, противовес в форме вагонеточной колёсной пары давным-давно сдан в металлолом. Единственный предмет, который пощадило время, – это полутораметровый кусок цепи для ведра под воду. Здание, на крыльце которого осторожно вступил Афанасий, было в ещё более удручающем состоянии: одранкованная некогда кровля крыши зияла огромными дырами, через которые пробивалась к свету молодая поросль берёз и ив. В пустые глазницы окон влетали поодиночке и парами противно каркающие вороны.

– Узнаёшь? – Спросил Афанасий Виктора, когда тот оказался рядом с ним.

– Это же клуб – тихо выдавил из себя сын.

– Давай заглянем, что там внутри.

Вставшее на дыбки ветхое крыльце не позволяло полностью открыть входную дверь. Кое-как протиснувшись в узкую щель, наши герои оказались внутри.

В конце сороковых годов в этом построенному недавно здании – в пристройке располагалась колхозная контора. С начала марта 1950 года председателем всеобщим голосованием колхозников в этом самом клубе был избран молодой фронтовик Афанасий Кушниров. Мало кто рассчитывал даже из районного руководства, что колхоз преобразуется в передовую единицу. За год с небольшим в область и выше начали поступать положительные сводки о выполнении и перевыполнении плана сдачи в закрома зерновых культур, значительного повышения удойности коров, заготовки мяса. Страна требовала высоких показателей: нужно было кормить горожан и все категории тружеников, героически восстанавливавших страну. Афанасий дневал и ночевал на работе. Жена Мария и двое маленьких детей неде-

лями не видели его дома. А беда кружила где-то рядом подобно воронам, сидящим на заборе в ожидании падали.

Объявились однажды в колхозе проверяющие из области. Серьёзные товарищи. В кожаных регланах в пол, в чёсанках и каракулевых шапках. Оба в очках, со сдвинутыми бровями и надутыми щеками. Весь день ворошили колхозную бухгалтерию и прочие документы. К вечеру поняли – придраться не к чему – каждая запятая на месте. По предусмотренной сверху традиции решили отужинать в доме председателя. Чем богаты, тем и рады. Мария, как могла, старалась угодить высокому начальству (хотя сами всей семьёй жили на подсосе). У Афанасия для подобного случая была припрятана бутыль со спиртом. Изрядно откушав спиртёшки, незваные гости решили пойти ва-банк, подсунув на подпись председателю липовую сводку – как в том анекдоте: «Свинья опоросилась пятью поросятами, в район доложили – десятью, в область телеграфировали – пятнадцатью, а в Москву – свинья-рекордистка с двадцатью поросятами! Ура! Перевыполнение плана!»

У прочитавшего эту мерзость Афанасия заходили желваки и скрипнули зубы. Бросило в пот.

– Товарищи, но это же туфта!

– Николаич, тебе-то какая разница, тем более там стоит наша подпись с гербовой печатью. Ты подмакни пером, а мы тебе дырочку на пиджак – под орденок! Ну, давай!

– Мужики, пошли на улицу, перекурим это дело, – вышли на крыльце.

– Как же я смотреть буду в глаза своим землякам, суки вы вербованные!

Не успели те и рта раскрыть, как председатель схватил их за шкирки и резко долбанул лбами да так, что проверяющие минут пять лежали в глубоком нокауте.

После этого инцидента над головой Афанасия стали сгущаться грозные тучи.

1951 год стал урожайным на колхозные беды. С весны зарядили проливные дожди, которые не прекращались до самого снега. Кое-как отсадившись и отсеявшись, председатель настойчиво начал требовать от района разрешение на строительство овощехранилища, но реакции никакой не последовало – как об стенку горох. Да и с МТС деловые отношения не заладились – ГСМ не отпускались, хоть соплями трактора заправляй. Монополисты долбаные! Вот и выкручивался Афанасий, попав в кабалу к перекупщикам... Итог оказался плачевным – трактора взяли в месиве под самые крыши, а то и вовсе простили без горючки. Срочно созванная комиссия определила «козлом отпущения» Кушнирова Афанасия Николаевича. 25 тонн

картофеля было похоронено в мёрзлой земле... А в начале декабря 1952 года в клубе при полной заполненности и активном... безмолвии впаяли Афанасию «червонец» по знаменитой статье за хозяйствственные преступления, инкриминируя ему ещё и нецелевой расход финансовых средств. И ведь никто из односельчан не замолвил слова в защиту Кушнирова! Страх сковывал людей. Время было такое... Что чувствовал наш герой в тот момент, когда в наручниках запихивали его в кузов полуторки?.. Обречённость и безнадёга, какой не было под городом Калининым, когда он, водитель-красноармеец, контуженный и с осколком в затылке лежал на дне глубокой воронки рядом со своей вдребезги разбитой машиной. Ещё долго в ушах Афанасия, пока он колотился в холодном кузове, стоял душераздирающий, словно по покойнику, вопль молодой жены Марьушки.

Первые полгода было особо тяжко – тюрьма, небо в клеточку. Затем – этап и зона. Пахал, как раб, на кирпичах. Не жаловался, молчал. Спасала фронтовая закваска да мысли о семье. Как они там без кормильца?.. После смерти Сталина Афанасий получил режимное послабление переводом в гараж механиком, да и гармошка выручила. В неволе ведь тоже люди – слушать его виртуозное исполнение нравилось сидельцам, да и тюремному начальству показатель повышался по культработе. В августе 1954 года состоялась долгожданная встреча с женой – приехала на «свиданку». После тщательного осмотра и прочих унизительных процедур выделили супругам комнату с суточным пребыванием – без надзора.

6.

В колхозе в это время творилась председательская чехарда: за три года сменилось четыре руководителя. Производственные показатели балансировали на нижней отметке, как в бензобаке у горе-водителя. И никакие дутые сводки наверх не спасали от бесхозяйственности и руководящего пофигизма. Расслабились. Диктат сгинул. Выползла «Оттепель».

Мария трудилась на ферме дояркой – вставала затемно и возвращалась по темноте. Дочка с сыном были на попечении матери Афанасия. Частенько, далеко за полночь, засиживалась у окна, уперев взгляд в бескрайнюю темноту. Не было сна, да и с аппетитом были качели, что не ускользнуло от пытливого взгляда свекрови. Уж, не на сносях ли голуба?.. Хотела было попытать, да прикусила до поры язык: не время ещё.

А деревня потихоньку начинала бурлить: бабы по своему «телеграфу» отстукивали по ушам друг дружке новость: «Наша-то скромница-председательша нагуляла!.. Была шкидной пучеглазой, а тут, глянь, округлилась пышкой!».

А в декабре пятьдесят четвёртого к полуночи в родном доме объявился Афанасий! Худой, поросший густой щетиной и с серебряными висками... Подхватив с порога подкошенную в ногах жену, наш страдалец крепко обнял своё сокровище. Обвив шею супруга, Мария застыла, вжавшись в грудь родного-долгожданного. Постанывала. По щекам ручьем безостановочно текли слёзы. Детки испуганно выглядывали из-за спины бабушки на незнакомого в замызганной фуфайке и чёрной цигейковой шапке дядьку...

Долго задерживаться в некогда родной деревне не стал Афанасий: тошно было за прошлое, да и Марию поедом ели бабы. И об этом сыну доложила мать нашего героя.

В двадцати километрах открылся новый лесопункт. Туда-то и отправился наш Афанасий с семьёй свою...

...Вставая по ночам, на цыпочках подходил к люльке, где мирно посапывал сынок-последыш. Родился недоношеным, слабеньkim, но благодаря крёстной матери, стойкости, любви и терпению самой Марии преображался малыш в крепкого розовощёкого карапуза.

– Всё сомневаешься? Да, твой это, твой!.. Вон и ямочка на подбородке и нос лопаткой, – прыснув смешком, тихо произнесла подошедшая жена.

– Да, я это просто так... давно не видел. Даже не верится – лягушонок лягушонком! А глянь в кого растёт!

– В тебя, в тебя. Тоже гармонистом будет. Всё. Пошли спать.

Из немногочисленных игрушек для маленького Вити самой любимой стала... гармошка. В пять лет он уже начал состязаться с отцом в «музыкальных картинках» – публичных выступлениях на лавочке перед домом. А, учась в первом классе, впервые появился на клубной сцене посёлка с гармонью на груди. И тут у Афанасия в голове созрела задумка, о воплощении которой мечтал он несколько лет...

Накануне восьмого марта у клуба колхоза, где когда-то председательствовал Афанасий, остановился лесопунктовский автобус с юными артистами-школьниками. Зал был полон. Публика, состоявшая в основном из принаряженных женщин, с нетерпением ожидала представление юных соседей.

На «ура» принимались акробатические этюды, выступление хора с полюбившейся песней «То берёзка, то рябина». Звучали стихи о Родине, о войне, о партии, о мамах...

Афанасий Кушниров стоял у запасного выхода в сильном напряжённом ожидании, сцепив кисти рук мёртвой хваткой.

Без объявления, на сцену решительным шагом выходит маленький мальчишка, стриженный «под бокс» с продолговатыми оттопыренными ушами, в вельветке, тёмных брючках и черных ботинках с крючками под шнурки. Спокойно поправив ремни, для форсусу тон-

кими длинными пальчиками пробежав по клавиатуре, делает музыкальное вступление.

«Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса».

У хлопчика сильный ровный голос, уверенный взгляд. Музыкальное сопровождение не глушил пение, а придаёт ему особую окраску восприятия притихшей публикой.

В момент проигрыша мальчик обращает взор на человека у запасного выхода и, улыбнувшись, подмигивает ему.

... «И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса».

Закончив выступление под громкие аплодисменты и восторженные крики, мальчишка не покидает сцену. Появившийся юный конферансье торжественным голосом делает объявление:

– С песней «Бригантина поднимает паруса» перед вами выступил ученик второго класса Витя Кушниров!

В зале на минуту наступила абсолютная тишина. После неожиданного ступора несколько зрителей повернули головы к запасному выходу.

По побледневшему лицу Афанасия текли слёзы, а сомкнутые в замок руки мелко подрагивали.

– Так ведь это же нашего председателя сынок! Глянь, как похож – и уши, и нос, и поёт, и играет как – заслушаешься!.. Ну, ты и дура, Матрёна, – нагуляла Марья, нагуляла! А мы-то, бабы уши растопырили! Срам-то какой! Бабёнку оставили почём зря!

Расходились зрители по домам молча, стараясь не глядеть на председателя. Да ему сейчас уже было всё равно. Главное достигнуто – амнистирована Марьюшка!..

Выходя из клуба на свежий воздух, наши герои опустились на схранившуюся у крыльца скамейку.

– Дай, сынок, закурить.

- Ты ж не куришь, батя.
- Да я так, просто пыхну пару раз...
- Да... История, – тихо сказал Виктор, бережно похлопав отца по плечу.
- Давно собирался рассказать тебе об этом. Вот – время пришло.
- И ты простили их? – Сын пристально посмотрел на отца.
- Понимаешь, Витя, тяжко мне было носить этот груз. Вот ты тогда мне здорово помог... А ещё горше быть в злобе: разъедает эта зараза изнутри, покоя душе не даёт. А когда находишь в себе силы к прощению – вроде как очищаешься. Легче дышится, и спиши крепче. Не каждому дано, а мне вот повезло... – Афанасий задумался на мгновение, затем, встретившись взглядом с сыном, с грустной улыбкой произнёс:
- В дорогу мне потихоньку собираться надо – к маме нашей. А встречаться с ней там нужно просветлённым, с чистою душой. Такто, дорогой мой флибустьер!
- Подойдя к мотоциклу, вынул из коляски свой саквояж.
- Я тут обещал дружку своему старинному печку подшаманить. Пару-тройку дней здесь побуду, потом автобусом – домой. Провожать меня не надо: он тут рядом живёт. А ты давай садись на этого коня и через Зею мчись к себе... Тебе же завтра на работу?
- Крепко обнявшись в последний раз, отец перекрестил сына.
- С Богом!

У КОСТРА

Шляндин Владимир Иванович
(г. Зея)

Посвящаю геологу и другу Ефремову Анатолию.

Счастье – это быть с природой, видеть её, говорить с ней...

Лев Толстой

Смеркалось, когда мы, наконец, выбрали место для ночлега, а то за целый день намотали не один десяток километров в поисках брусники.

– Ну, не может быть так, всё равно найдём. Есть тут у меня ещё одно местечко, – присев на горбовик, сказал Анатолий Ефремов.

Он геолог, правда, уже на пенсии, но жар души в нём ещё горит. Мы знакомы давно. Так получилось, что его родители учили меня в Пушкинской школе, а он, против их воли, учился во Фрунзенской. Родился Анатолий Ефремов в посёлке Ново-Ямполь. Это уже после наводнения, в 1953 году посёлок закрыли, и его семья оказалась в Зее.

И вот, в последнее время зачастили мы с ним ездить то на рыбалку, то за брусникой. Уже который год на его «Ниве» шастаем по тайге. Иной раз возвращались с пустыми руками, но на следующий год собирались вновь. Сближала нас одна общая любовь к природе и экстрему. А природа наша щедра, это знают все – всего здесь в изобилии, только не ленись.

– Ладно, утро вечера мудренее, – соглашаюсь с ним. – Давай перекусим, отдохнём, а утром пробежимся и по твоим местам. Кстати, далеко они отсюда?

– Да нет. Дорога заросла, а то бы можно и сейчас, но не хочу плутать. Это наверх чуть-чуть подняться, потом по водоразделу вниз. Проедем ручей, угодья небольшие, но ягода там всегда и в засушилиное лето была. Надеюсь, повезёт.

– Ну, дай Бог. Много не прошу, хотя бы ведёрочко, без брусники на зиму плохо, давленыице балует, – отвечаю ему.

– Так-то оно так, – говорит Анатолий. – Ладно, я займусь машиной, постель разложу, а ты организуй костёр.

Сушняка в лесу много. Набрав охапку, иду к табору. На небе появились первые звёздочки. Тьма, опустившаяся на землю, потушила

пламя заката. Горы помрачнели, дохнуло холодком. И вот вспыхнула в руках спичка, а затем и береста. Слабый, ещё неокрепший огонь, разгораясь, охватил ветки сухостоя и уже с уверенной силой облизывал дрова.

Костёр набирал силу. Закрепив на нём трёхножник, повесил чайник с водой и стал готовить стол, который получился за считанные минуты.

Из машины вылез Анатолий, в руках рюкзак, лицо, освещённое костром, светилось радостью.

— Ты знаешь, Вова, какое это счастье — в вечернее время посидеть у костра и насладиться крепким чаем! Для меня это высший предел удовольствия!

— И он тебе ёщё не надоел?! Пора бы уже сидеть в такое время где-нибудь в кабаке да травить байки молодёжи про свою таёжную жизнь, — как бы между прочим, говорю ему я.

— Нет, Вова, наверное, я не из тех, кто умеет языком трепать, а в кабаке, конечно, посидел бы, но мне здесь как-то больше по нраву. Ты посмотри, какое небо звёздное, воздух какой! Ах, благодать-то какая. Вот она жизнь-то где! — и он подошёл к костру. Поставив у стола рюкзак, стал греть руки.

Аппетит приходит во время еды, и тут я почему-то подумал о самом главном, как же сейчас не хватает тех сто граммов наркомовских, которые дают в морфлоте подводникам. Хотя в «Ниве» прятана купленная мною бутылка водки, но у нас договор на счёт спиртного — ни грамма в рот, потому как врачи обоим запретили.

А Толян, глядя на костёр, продолжает философствовать.

— Ведь не зря сказано: можно вечно смотреть на огонь, воду и на звёзды. — И тут же продолжает свою мысль. — И у всех своё назначение: у огня — обогреть, у воды — напоить, у звёзд — помечтать!

И замолчал, но вскоре добавил.

— Вот я и подумал, не выпить ли нам по пять грамм?

Я тут же подумал, что у дураков мысли сходятся. Но когда он достал бутылку из рюкзака, высказался отрицательно.

— Нет, нет, тебе нельзя, давно ли загибался, да я и матери твоей дал слово.

— Но мы только пригубим?!

Костёр полыхал вовсю. Притащили упавшую лесину и уселись на неё. Выпили и разговорились, и тут его понесло. А я уж был и не рад своему вопросу о происхождении природной красоты.

— Ну, вот возьми, например, горы. Своим происхождением они обязаны эндогенным процессам, происходящим в недрах Земли. Это, прежде всего, различные подвижки земной коры, а также неотекто-

нические движения во время извержения вулканов. В эпоху неолита он охватывает период десять миллионов лет до нашей эры.

И чем больше Анатолий рассказывал о каменном веке, об эпохе мезолита, о периоде рождения гор, я поражался его памяти. Он говорил терминами, о которых я едва слышал. Немного погодя эта лекция мне как-то наскучила, и я его перебил.

— Вот ты более десяти лет в Покровке работал, золотишко в недрах искал. Нашёл, и что теперь? Правда, что эти запасы за гранцу проданы?

— Кто тебе сказал?

— Да есть кому!

— Ну, значит, есть доля правды, раз говорят.

— И тебе не обидно?

— Обидно, но не за это. Обидно за то, что весь Пионерский разрез своими ногами истоптал, проб столько отобрал, доказал наличие драгоценного металла, а меня просто так взяли и попросили. И знаешь, с какой формулировкой? Мол, морально не устойчив, склонен к употреблению алкоголя, и что в таких специалистах новая компания не нуждается, — и он замолчал.

— Да, утешительная формулировка, но премию-то какую-нибудь дали?

— Ну да, дали, догнали, а потом ещё дали.

— Наверное, пенсия велика?

— Не смеши, в тринадцать обошлась! Ещё будешь?

— Наливай!

Выпили, потом ещё добавили.

— Ты почему так плохо закусываешь, — говорю ему. — Одна кожа да кости. Сколько весишь-то?

— Летом, когда в больнице в Иркутске лежал, шестьдесят четыре потянул.

— Ну, ты даёшь, дистрофик. При твоём-то росте на все восемьдесят должен тянут!

— Не в коня корм, — хихикнул он.

Потом пили чай.

— Слушай, — опять спрашивал его, — как там твои сыновья в Иркутске поживают?

— Нормально!

— Ты нынче долго у них загостился, я уж думал, в Зею не вернёшься.

— Да на кого ж я мать брошу?!

— А с женой встречался?

— Да какая жена, мы уж тридцать лет в разводе.

— Так что у вас стряслось?

— Что-что... — он опустил голову. — На жизнь жаловалась, что нет у неё ни мужика, ни денег. Прикинулась тюхой-матюхой, но алименты выхлопотала и отцовства меня лишила, хотя пацаны со мной и с бабушкой жили. А когда уже стали большенёкими, тогда в Иркутск и забрала. Подросли же!

— И что, не мог женщину найти?

— Да кому мы, геологи, нужны. С весны до зимы в тайге, а зимой опять: то отчёты, то командировки, дома и не живёшь.

— Так, значит, один всю жизнь и промаялся?

— Почему один? Живу с матерью, отец-то рано умер, двадцать три всего мне тогда было, только институт закончил, в семье старшим остался.

— Да, несладкая у нас с тобой жизнь сложилась. Но всё равно в ней свою тропу протоптали: и ГЭС строили, и БАМ. Это сейчас мы никому особо не нужны стали.

— Ишь ты, как правильно сказал, — перебил меня Анатолий. И, как бы между прочим, глянув на бутылку, сказал:

— Ну, что там, чуть-чуть осталось — допьём?

— А давай! — махнул я рукой.

Потом ещё долго говорили о вечном, о космосе.

— Ну да ладно, завтра рано вставать, пойду укладываться, — и, достав сигарету и подкурив её угольком из костра, пошёл к машине.

Я ещё некоторое время посидел у костра. Дым столбом тянулся к звёздам. Не иначе, ночью быть заморозку. Холод уже начал пронизывать тело.

Собрал продукты в вещмешок, спрятал котелки под машину, залез в кузов «Нивы». Анатолий сидел на спальном мешке и манипулировал мышцы на ступнях ног.

— Что, разминка? — спрашивал его.

— Да, какое там, мышцы сводит, а боль-то какая. Вот сейчас мазью смажу да носки с собачьей шерстью одену, глядишь, до утра выдюжу.

— Ну, давай, — и я залез в спальный мешок.

Не спалось, состояние такое, будто с природой слился в единое целое. Дышится здесь совсем не так, как в городе, и звёзды горят ярче и ближе к тебе, и душевное состояние совсем иное. Словно распахнулась душа и восторгается этой прелестью. Тот, кто влюблён в природу, поймёт меня. Спать не хотелось. Разные мысли рождались в голове: «Почему же она так властвует над нами? Почему манит к себе?». Но ответа найти не мог.

После курения Анатолий начинает кашлять.

— Бросай курить, а то как старик девяностолетний, — говорю ему.

— Воздух-то какой, дыши — не надышишься, а ты со своей соской...

— Ха-ха-ха, — засмеялся он, — рад бы, но как её бросишь, если уже полста лет эту соску сосут.

Наконец, улеглись, но где тут уснёшь: у Толяна не лёгкие, а просто как меха у гармошки, которые свистят на все лады. Но ладно, молчу. Мы с ним одногодки: он родился в апреле, я – в мае. Конечно, удивлён состоянием его здоровья. Стал он каким-то маленьким, щупленьким, хотя в молодости мы ни в чём не уступали друг другу.

Опять вопрос самому себе: «Почему так?». Знаю многих геологов, ну, к примеру, мой брат. Он на тринадцать лет старше меня, но с рюкзаком ещё дружит. Виктор Кошеленко – в теле дух, красота и грация. У него тоже в жизни было не всё гладко. «Да, жизнь сложная штука. Её надо прожить, а потом уж делать выводы».

Просыпаюсь утром. На стёклах иней. Анатолия в машине нет. Из спальника вылезать не хочется, он пленит своим теплом. И вроде бы никто никуда не гонит, но поднимаюсь. Открываю дверь, Анатолий хлопочет у костра. Выхожу из машины и тянусь, как младенец.

Холодно, морозец, на траве иней. Как здорово встретить утро в горах. Солнце ещё прячется за сопками. Берёзы и осины заметно пожелтели, потемневшие ели ещё таят в своих ветвях остатки ночи. На лиственничном молодняке хвоя окрасилась в золотистый цвет, а ещё вчера она радовала зеленью.

Насладившись чаем, стали собираться в дорогу, хотя так жаль покидать насиженное место. Но мы приехали не отдыхать, мы приехали за брусникой. Поднимаемся выше по усам – это наспех пробитые дороги для вывозки леса. Несколько раз выходили из машины, делая разведку на вырубках, которые уже заросли кустарником, но ягоды не было.

И только когда спустились по северному склону, наткнулись на небольшую поляну. Ягода блеснула рубином. Она была мороженая, совками собиралась легко и быстро. Следующие попытки найти такие поляны были безуспешны.

Вдруг закружили, словно в хороводе, низкие тучи, набухшие от влаги. Они стремительно неслись над нами. Решили возвращаться на трассу. И вскоре нас застал дождь. Планы заехать на речку Тында и порыбачить оказались под вопросом. Я сижу за баранкой, Анатолий – с ружьём справа от меня и возмущается:

– Ты посмотри, сколько проехали и ни одного рябчика не увидели? Опустела тайга.

Я молчал – всё внимание на дорогу. Дождь то усиливался, то утихал.

– Невезучие мы с тобой, вот уж который год пустыми возвращаемся. Готовишься, готовишься и вот так? – запаниковал Анатолий.

И это действительно так. Чтобы поехать за брусникой, готовимся загодя. Откладывая с пенсии на бензин. А оно вон как: то непогода, то неурожай.

— Ладно, — успокаиваю его, — по ведру бруски набрали? Набрали. А ведро на базаре сколько стоит? Тысяча! Значит, мы с тобой почти оправдали свои затраты. Ты вот лучше мне скажи, по твоему барометру — дождь затяжной или как?

Анатолий закурил и опять «кхе-кхе». Откашлявшись, ответил:

— Ноги с вечера крутило, но, как бы сказать, не сильно, думаю — кратковременный.

— Понятно.

Вскоре выехали на Снежногорскую трассу. Анатолий разбирает ружьё и просит, чтобы я остановился.

— Давай-ка, до ветру сходим, пока дождь перестал.

Торможу. Сырость на улице, по грунтовой дороге бегут ручейки. Он открывает заднюю дверцу и кладёт ружьё.

— Далеко-то не прячь, всякое может быть.

— Ясное дело! — отвечает он. — Подальше положишь, быстрее возвьмёшь!

Сделав своё дело, садимся в машину и едем дальше.

— Ну, геолог, ветру и солнцу брат, давай-ка, травани мне байку про свою нелёгкую жизнь, — прошу его, — всё веселее будет.

И он начал:

— Давно это было. Молоды были, работали в тайге. Получаем радиограмму — сын у геодезиста родился. А в тайге сухой закон. И тут вспомнили, что в километрах шестидесяти от нас базируются вертолётчики. Погода испортилась, а тут как раз над нами вертолёт пролетел.

Вот один из рабочих по такому случаю решил к ним в гости сходить. И ушёл. Ночью стучится в избушку. Вертолётчики в испуге. Боже мой, кто это может быть? Такая глупость, за сотни километров ни одной души. И вдруг открывается дверь, и появляется человек, заросший, как медведь

— Здорово, мужики! Мы тут ваши соседи, огоньку не дадите? Переглянулись вертолётчики. Видно, были в шоке.

— Сколько ты шёл?

— Да почти сутки. Я вот по какому случаю к вам зашёл. Радиограмму получили, что у геодезиста сын родился. Спиртика не дадите?

Вертолётчики оказались щедрыми. Налили фляжку. И он засобирался в дорогу.

— Да ты отдохни, а утром тебя доставим.

— Нет, спасибо, ребята, я побегу. Тут ещё погода такая, что полетите вы ещё или нет, а я вечером уже дома буду.

— Да ну, неужели правда? — с недоверием спрашивала я.

— Правда, Вова, правда, а ты говоришь, геологи — пропойцы, народ бесшабашный. Совсем не так. Это народ жилистый, эмоциональный и надёжный. А вот среди непьющих мало порядочных людей — это я знаю точно.

Едем дальше. Вдруг засветило такое яркое солнце, и на душе сразу потеплело.

— Ну, как мой барометр? — продолжает Анатолий. — А хочешь, расскажу, как с хозяином тайги встречался?

— Давай, валяй.

— Так вот. Это случилось в Приморской тайге. Был я в ту пору студентом-практикантом. Оставили меня на базе. От нечего делать решил прибраться в балке (это такая будка). Мусору намёл и решил выкинуть. Открываю дверь, а там — медвежья морда! Первый раз за свою жизнь пришлось увидеть медведя так близко. И с испугу брошаю мусор в эту морду, видно, тогда придумать ничего лучшего не смог. Запираю дверь и прячусь за железной печкой.

Медведь за такой приём, видно, сильно обиделся, что даже не зашёл в балок.

— И всё?

— А что ты хотел? Чтоб он меня сожрал?!

— Да нет, но хотелось что-нибудь этакое...

— Было и такое. Это уже на Камчатке, после института. Глубокая осень. Балок на тракторе перетаскивали, и надо же, трактор «разулся» — гусеница слетела. Рабочие трактористу стали помогать, а я взял ружьишко, патрон с дробью в патронник загнал и решил прогуляться. На пути нам куропатки встречались.

Вот, между делом, думаю: «Глядишь, на супчик и подстрелю». Метров сто от трактора отошёл, чувствуя на себе посторонний взгляд, поворачиваюсь — медведь! Что делать? От своих путь отрезан, впереди — берёза, ухватистая такая. На Камчатке они от наших отличаются — приземистые ветви почти у самой земли начинают расти.

Деваться некуда, берёза — моё спасение, так как кругом один ягель растёт. Я — к ней, медведь — за мной. Успеваю на нижние ветки заскочить. Подтягиваюсь и хватаюсь за верхние, и чувствую, как он своей лапицей по моей ноге бьёт. Я, наверное, был ловчее его, успел высокользнути из лап, но эта тварь сапог всё-таки стащила с меня и стала пробовать его на вкус. Я ещё выше забрался. И тут вспомнил про ружьё, снял с плеча, курок взвёл, а сам думал, что делать.

Дробью не завалишь — медведь здоровенный. И решил, что буду ждать своих. С надеждой взглянул в их сторону и вижу, рабочий идёт, видно, за мной отправился. Мишка его не чувствует, занят сапогом. Но вскоре тот ему надоел. Он встает на задние лапы, передними дерёт бересту со ствола и дико рычит. Наверное, просил меня,

чтобы я слез. А я наставил на него ствол и говорю: «Уходи по-доброму, а то калекой сделаю».

Видно, почуял медведь, что кто-то идёт, голову повернул в ту сторону. Вот тогда я ему и выстрелил прямо в ухо. Услышал выстрел рабочий, догадался, в чём дело, и бегом к своим. Медведь внизу в предсмертных судорогах бьётся, а я как окаменелый сижу: ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу. Вот так и было. Но, в общем, хочу тебе сказать, что медведь редко на человека бросается, в основном, сразу уходит.

Едем дальше. Погода вроде бы налаживается, теперь уже ясно – рыбалка состоится. Не набрали брусники, значит, наловим хариусов. Чем ближе подъезжаем к речке, тем заметнее, что дождь здесь был слабее. Анатолий даже закрывает глаза, видно, хочет вздрогнуть. «Пусть спит, намаялся, бедный, с его-то больными ногами не каждый осилит такой километраж. Молодец, геолог», – жалею его.

Дорога вроде неплохая, тут уже скоро и сворот на речку Тында. По правую сторону блеснула Алинга. Дорога пошла на спуск, и вдруг стало клинить переднее колесо. С трудомдерживаю машину, которую всё-таки уводит с дороги. Впереди замечаю какую-то огромную кучу посередине дороги. Да это же медведь! Это просто невероятно – нас тащит прямо на него!

– Толян, ружьё, ружьё давай!

Он в недоумении, что стряслось, реагирует очень медленно. Изо всех сил давлю на тормоза. Машина, наконец, останавливается. Анатолий копошится в шмотках в поисках ружья. Включаю заднюю скорость. В левом переднем колесе что-то щёлкнуло, потом заскрежетало, и «Нива» медленно попятилась назад. «Нет, так мы от него не уедем, надо что-то делать!» – мелькнуло в голове. Останавливаюсь. Анатолий всё ещё не может найти ружьё.

Медведь тем временем пытается подняться. Видно, тоже удивился, что за чудо подкатило к нему. Открываю дверцу и выхожу из машины, кидаю взгляд на колесо и успокаиваю себя, что оно целое. Захожу за машину, открываю багажник и ищу ружьё.

– В спальнике, в спальнике, – вполголоса говорит Анатолий.

Достаю ружьё и патронташ, подаю ему, затем хлопаю багажником и быстро ныряю в машину. Медведь встаёт на все четыре лапы, нехотя, вперевалку, идёт в нашу сторону.

– Ну, что ты там тянешь?

– Да не могу, блин, какого... его разбирал, – ругает он себя.

Смотрю, а у него руки трясутся так, что никак не может цевьё застегнуть. А медведь совсем рядом. У меня самого руки непроизвольно включили заднюю скорость. Хоть на метр, но подальше от него. Анатолий психует:

— Да пропади ты пропадом, это ружьё, — и отбрасывает его.

А я злюсь на него, что он ничего не может сделать.

— Успокойся, — тихо говорю ему. — Всё получится, только без паники!

Медведь обнюхал стекло на дверце с моей стороны. Боже мой, какой он здоровый! А клыки! А пасть! Дыхание у меня перехватило, от страха мураски разбежались по всему телу. Я сжался с такой силой, что, казалось, от сиденья меня уже ничем не оторвёшь. Взгляды наши встретились. Медведю это не понравилось. Он рыкнул, оскалив пасть, и пошёл от машины прочь. Перейдя дорогу, скрылся в лесу.

Анатолий в это время собрал ружьё, и как бы между прочим, спрашивает у меня:

— Ну, и где он?

— Да там, в лесу...

Он глубоко вздыхает и говорит:

— Эх, жаль, отпустили.

И всё же, рискуя, решили заехать на Тынду. Колесо наше как старая телега: то скрежёт, то затихает. Анатолий гладит панель машины и приговаривает:

— Ну, Машенька, ну, миленькая, не подведи, домой приедем, сразу тебя отремонтируем!

— Да хана подшипнику, а там и ступице — крышка, — как бы между прочим, говорю я.

— Да хрен с ними, ребятам в Иркутск позовоню — помогут. Может, зря завернули на Тынду?

— Три километра туда-сюда, по-моему, роли большой не сыграют. Ничего, доберёмся, и хуже бывало. А за машиной следить надо, машина, что баба — любит ласку и смазку, — говорю ему.

— Знаю, да с меня водитель-то какой: пока едет — хорошо, а вот сломается — плохо. Был у меня корешок. Он следил за ней, правда, пока я в тайге, видать, и не слазил с неё. Она хоть и старенькая, а пробег-то совсем маленький. Купил ещё в советское время, тогда в кредит давали, а так разве осилил бы. Эх, были же времена, долго о них ещё вспоминать будем...

И вот мы, наконец, на месте. Каждый занялся своим делом: я разбираю снасти, Анатолий накачивает лодку. Потом разжигаем костёр, и пока готовится обед, беру удочку и выхожу к реке. Здесь, в горах, она своенравна и шумна, бьётся среди валунов, выскочив на простор, дробится на перекаты, где, взбеленившись, кипит бурунами, а местами упирается в завалы.

Проверил было привычные броды, но, сделав несколько шагов, пячусь назад. Прибывшая вода захлёстывает болотные сапоги. При-

ходится выходить на берег. Грязь, чмокая под ногами, всё время пытается сдёрнуть их с меня.

И вот, на ближайшей излучине реки удалось поймать трех небольших хариусов. Наудачу решил подняться выше. Иду между деревьев и кустов, которые насытились влагой от дождя, и сразу мой энцефалитный костюм промокает. Защищая речные сокровища, низко к воде склонились старые ивы. И вот чистое место. Кидаю удочку и только начинаю натягивать леску, как чувствую удар в удилище.

– Ага, есть! – торжествую я.

В кипящей воде переката показывается черная спина хариуса. Чёрный – это горный хариус, крупный, изо всех сил бьётся, чтобы вырваться на свободу. А я ликую, это такие минуты рыбацкого счастья. Вот только бы не сорвался. Всё ближе и ближе подвожу к берегу. Удивительно, сколько сил и энергии в этой рыбе – это только ему, королю горных рек, в силах подняться до самых их вершин.

Тут вдруг солнце такое яркое выглянуло из-за туч, что река засвятилась, заиграла всеми цветами радуги. Заискрились водовороты и буруны на реке. Лес сказочно зазолотился, просто красота! Но сам не отвожу взгляда от хариуса – для меня он сейчас ценней всего. Вот уже тянусь, чтобы забрать его, пытаюсь удержать, но он сильным рывком выскользывает из моих рук и, освободившись от крючка-мушки, теряется в глубине реки.

– Ах ты, разиня, – ругаю себя.

Но что сделаешь, видно, счастья больше было у него в этот раз, чем у меня. Делать нечего, возвращаюсь на табор.

Анатолий, увидев у меня рыбу, засиял от радости. Обсыпал её солью, а затем завернул в бумагу и спрятал в тени. Тут я вспомнил, что под такую закусь пора доставать «родимую». Выпили за успешную рыбалку.

– Нам бы до старицы добраться, там будет всё: и рыба, и утки.

– А сколько до неё? – спрашиваю я.

– Километра три по речке, четыре переката пройдём – и мы на месте.

Но нам в этот день крупно не везло. На втором перекате наша лодка перевернулась, и мы оказались в ледяной воде. Естественно, в реке оказались ружьё, патроны и спиннинги. Пока всё нашли, изрядно замёрзли и поэтому решили вернуться на стоянку. Развесив на кустах мокрую одежду, расположились у костра. Анатолий сидит в шубе, я – в тёплой куртке. Это всё, что осталось от сухой одежды. Не спеша пьём горячий чай.

– Ну как, согрелся? – спрашиваю его.

– Знаешь, лучше стало, но грамм по сто не помешало бы.

– Конечно, после такой «баньки» не грех и выпить.

Позже он разговорился.

– Не пойму, почему нам так не везёт. Считай, который год пустыни возвращаемся, ты, что ли, какой-то неудачник? А я вот однажды летом поехал на рыбалку на шестнадцатый километр. Не поверишь, как мне повезло.

– И в чём же?

– Никогда не догадаешься.

– Ну, говори, не томи.

– Так вышло, что сети я не ставил. Даже с машины их не вытаскивал. Вода в водохранилище сильно упала. Иду к воде, на пути – кряга, на ней – блесна, да не простая, а дорогая. Я её снял, иду дальше. Смотрю, сеть валяется. Одна часть на сушке, другая – в воде. Оглянулся, вокруг ни единой души, а внутренний голос мне так и шепчет: «Вытащи, проверь». Стал тянуть. Сетка вся в тине, видно, давно тут находится. Вытащил метров пять из воды, смотрю, кошельёк за кнопку зацепился. Сначала подумал, что это вместо грузила, и вытаскиваю сеть дальше, а сеть-то хорошая, не дырявая. Вот, думаю, находка! И тут на глаза мне опять кошелёк попался. Дай, думаю, открою, и что, ты думаешь, там лежало?

– Фигура из трёх пальцев?!

– Ну, что ты так плохо подумал. Деньги! Только мелочью сто восемь рублей, а когда открыл замочек другого отсека, то там пять штук тысячных купюр.

– Да, – воскликнул я, – тут тебе крепко повезло. Вот поэтому, друг мой, и нет нам фарта! Ты зараз его весь выбрал.

Наливаем ещё содержимое из бутылки. Вот лекарство так лекарство! Если ещё совсем недавно, после купания, смотреть друг на друга не могли, то после третьей чуть ли не целоваться лезем.

– Ты знаешь, зачем к нам медведь подходил? – вдруг спрашивает меня Анатолий. – Он хотел, чтобы мы его подвезли, а мы, дураки, его не поняли!

И, глядя друг на друга, расхохотались. Наш смех летит далеко по речке, по перекатам, по тайге, а вокруг нас ни одной души. Даже костёр, играя языками пламени, смеётся вместе с нами.

– Слушай, а давай на следующий год летом спустимся по этой речке до самого Рычкова?

– Нет, давай дальше, – машет рукой Анатолий, и его глаза горят юношеским огнём.

Но, увы, этому уже не суждено было случиться. Ранней весной Анатолия не стало.

